

Матвеева ТРОНИНА

ХАНСКАЯ ДОЧЬ

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ
ПРОСТА И НЕЗАТЕЙЛИВА

ОНА И ЕСТЬ ИСТОЧНИК
ТИХОГО СЧАСТЬЯ

Татьяна Михайловна Тренина

Ханская дочь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163026

ISBN 978-5-699-93607-6

Аннотация

Виктория жила той жизнью, о которой мечтают многие: все блага мира лежали у ее ног. И все-таки она чахла, сходила с ума от мнимых болезней... В итоге Вика сбежала – села в машину и погнала ее на большой скорости. В никуда. Надеясь, что смерть положит конец бессмысленному существованию. Однако судьба распорядилась иначе: вместо смерти женщина обрела необыкновенный дар. И... любовь, без которой она жила все эти годы. Но надолго ли это все? Ведь Вику ищет муж – чтобы вернуть в ненавистную золотую клетку...

Татьяна Тренина

Ханская дочь

Солнце еще не достигло зенита, но раннюю утреннюю прохладу уже стремительно сменял летний зной, тревожный и одуряющий.

С обеих сторон заросшего разнотравьем луга темными стенами стоял лес, но он совсем не манил – наверняка там, среди деревьев, тоже было жарко. Не так жарко, конечно, как здесь, на солнцепеке... Но идти туда – в душный, полный наглой мошкары сумрак, совсем не хотелось.

Уж лучше здесь.

Уж лучше стоять здесь, посреди луга, и смотреть вдаль. Потому что дрожащий от жара воздух и хаотичный полет шмелей над цветами гипнотизировали, лишали чувства остроты, дарили обморочное забытие.

А ведь о чем-то надо было вспомнить! О чем-то важном... Или понять – то, что пока никак не желало уместиться в голове. Опять же нечто судьбоносное...

Но Вика предпочла находиться в этой точке безвременья. Она стояла посреди луга, плавясь от жара, ничего не видя, ни о чем не думая – как каменное степное изваяние.

А вдруг случится чудо и она и вправду превратится в каменное изваяние? В этот, как его... дольмен. Или верстовой столб! Высушенный солнцем, выбеленный дождем столб, у

которого одно-единственное предназначение – стоять. Стоять, и все.

Воздух у горизонта слегка сгустился.

Нет, пожалуй, бессмысленно изображать из себя верстовой столб...

Вика вздрогнула и пошевелила пальцами рук, напоминая себе, что она все-таки живая.

Однако что там творится? Как будто тьма какая-то движется...

Она поморгала. Прищурилась, хотя от природы обладала хорошим зрением. Снова всмотрелась.

Потом оглянулась назад – а там-то как дела? Но позади все было спокойно. Синее небо безмятежно сливалось с зеленой травой.

И какой-то глухой гул... Или это в ушах звенит? Не стоило так долго торчать на солнцепеке!

Вика потрясла головой, но гул не исчез. Наоборот, он усилился.

Она снова повернулась вперед и с ужасом обнаружила, что темное облако совсем близко. И это... это не облако вообще, а...

Вика полуоткрыла рот от изумления.

По лугу, прямо на нее, на бешеной скорости мчался табун лошадей.

Пока Вика осознала это, прошла еще пара секунд.

Вика метнулась вправо. Потом влево – ей показалось, что

с той стороны лес ближе. На это ушло еще несколько драгоценных секунд.

Бежать было бесполезно.

Вика видела разгоряченные морды лошадей, их обезумевшие глаза. Видела, как взлетают и падают их копыта, уминающая траву. Как играют мышцы под кожей. Как гривы летят по ветру.

Красиво, черт возьми.

Роскошное зрелище...

Единственный минус – лошади через пару мгновений растопчут Вику. Насмерть. Наверняка. Пронесутся вихрем, собьют, расплющат, раздавят... А потом на какой-нибудь единственной травинке неподалеку, которой не коснулись копыта, будет переливаться рубиновым блеском кровь. Ее, Викина кровь.

Опять же красиво, черт возьми, – синее небо, травинка чуть колышется... и капелька крови на ней, а в капельке ослепительно отражается солнце!

А она, Вика, так ничего не вспомнила... Не успела подумать о самом главном!

Впрочем, какой в этом смысл, если сейчас – смерть. Разве не она теперь – самое главное?

Вика хотела закричать – от ужаса. Даже не от ужаса, а... А от чего-то другого, чему и слово-то не сразу подберешь. Недаром Пушкин сказал – «есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю...». Нечто подобное испытывают морепла-

ватели, когда попадают в шторм и над ними нависает последний, девятый вал. Нечто подобное чувствуют срывающиеся в пропасть альпинисты, когда несутся вдоль скал к земле. Или, например, незадачливые путники, на которых надвигается смерч.

Первобытная жуть. Древняя. Ни с чем не сравнимая. Раритет, доступный редким избранным...

Лошади были уже в нескольких метрах от Вики. Топот копыт заглушил все прочие звуки. Она ощутила на лице конское дыхание, и...

Вика закричала:

– А-а-а!..

...Когда она сообразила, что это всего лишь сон, было уже поздно.

Вика сидела на кровати и вопила.

Она видела в зеркале свое отражение с открытым ртом (надо же, даже мягкое нёбо разглядеть можно!) и продолжала орать.

Затем опомнилась и закрыла рот, ощущая, как ломит челюсти.

А потом в комнату вошел Андрей. В руках у него был поднос, на подносе – кружка, и над кружкой дымился приятный парок.

Увидев этот пар, Вика окончательно пришла в себя.

Это был всего лишь сон. Никакого луга, никакого табуна

обезумевших лошадей... Ничего. Она дома, в постели, а рядом – муж, добрейшей души человек.

Андрей подошел к кровати, осторожно поставил поднос рядом с Викой.

– Проснулась?

Он поцеловал ее в щеку мягкими губами.

– Твой цикорий, дорогая...

– Это не цикорий, а самая настоящая цикута... – невнятно пробормотала Вика.

Андрей добродушно засмеялся:

– Ого, мы шутим – это хороший признак! – И после паузы добавил: – А насчет цикория ты не права – в нем масса полезных веществ и ни капельки кофеина...

– Прости.

Андрей аккуратно сел на краешек кровати, внимательно посмотрел на жену.

– Бедная моя... Все тот же сон, как я понимаю?

Вика утвердительно кивнула головой, с отвращением стала глотать цикорий. Не допив, отдала чашку мужу.

Андрей вышел, и Вика снова осталась одна.

Зеркало отражало ее – растрепанную, с испариной на лбу, голыми тонкими руками, облаком рюшей на плечах и вокруг декольте. И глазами, в которых затухающим отзвуком читалась первобытная жуть.

Вика себя не любила. Ей было тридцать лет, она обладала неплохой фигурой и классическими чертами лица; длинны-

ми, светлыми от природы волосами и серо-голубыми глазами – скорее голубыми, чем серыми. В общем, никакого особого повода для пессимизма быть не должно.

Но Вика себя не любила. «Какая-то она жалкая...» – однажды за спиной услышала она чью-то реплику и вздрогнула. Эта фраза полностью характеризовала ее.

Она, Виктория Павловна Бортникова, в девичестве Казакова, была жалкой. И уже не имело никакого значения, что у нее приличная фигура, красивые волосы и глаза, которые скорее голубые, чем серые. Что у нее есть высшее образование, что у нее есть дом и муж. Что она физически здорова. Что может родить ребенка, а может подождать с материнством... Что не надо работать (муж неплохо зарабатывает) и не надо надрываться по хозяйству (на то существует домработница Нюра).

Она была жалкой – чистая правда. Эта правда напоминала о себе всякий раз, когда Вике приходилось общаться с кем-либо посторонним. Общение происходило примерно так: сначала к ней бросались, начинали беседу, восхищались ею. Женщины открывали душу, мужчины с ходу принимались очаровывать ее. А потом восхищение падало вдруг до нуля, болтовня заканчивалась, и собеседник (или собеседница), неискренне улыбаясь, ретировался.

Потому что она, Вика, была жалкой. В ней ничего не было, кроме оболочки. Да и та на поверку оказывалась пустой, жухлой, словно сброшенная змеиная кожа. Поворошить брезг-

ливо шуршащий ком ногой и отойти в сторону...

Вика с отвращением отвернулась от зеркала, натянула на себя халат (хотя на самом деле назывался он «пеньюаром», но сути-то это не меняло!) и вышла из спальни.

Андрей сидел на кухне, читал газету. Работал без звука телевизор – плазменная панель размером в пол-окна...

Вика опустила на стул напротив мужа.

Домработница Нюра тут же поставила перед ней тарелку с пышным омлетом. Потом метнулась к плите. Оглянулась, забеспокоилась:

– Виктория Пална – хлебушка? С хлебушком-то оно сытней...

Нюра была из простых. Откуда-то из-под Рязани, что ли... Полная, немолодая, добродушная, без всяких там рефлексий. Она быстро поставила перед Викой тарелку с хлебом.

– Нюра!!! – дернулась назад Вика.

Андрей, не отрываясь от газеты, спокойно произнес:

– Нюрочка, Виктория Павловна не ест хлеба. И молоко тоже уберите. Молоко – только для младенцев, взрослым его категорически нельзя употреблять в пищу...

– Да как же... без хлеба, без молока... – привычно начала было «убиваться» Нюра, но потом вспомнила, как должна себя вести образцовая прислуга, и опомнилась.

Стиснула губы, молча протерла стол и выплыла в коридор.

Вика повернула тарелку, рассматривая омлет. Нет ли в нем скорлупы? Неприятно, когда она скрипит на зубах...

Хотя Нюра подобных промахов никогда не допускала. А если там маленький эластичный червячок, сгусток белковой ткани – будущий зародыш?! Такие тонкости Нюра не учитывает! Вика немедленно принялась ковырять омлет вилкой. Андрей покосился на Вику, перевернул страницу. Потом вспомнил:

– В пятницу у Черткова день рождения... Ты не беспокойся, подарок я уже купил.

Вика мгновенно напряглась, но Андрей тут же это заметил.

– Если хочешь – не ходи. Я что-нибудь сокру, – мужественно произнес он.

Вика быстро сказала:

– Нет, я пойду. Обязательно! Если не приду, они бог знает что подумают... И что в этом такого сложного – появиться на дне рождения у твоего компаньона?.. Я пойду, пойду, – бодро улыбнулась она. – И ты развеешься – ведь так?

Андрей тоже улыбнулся и поцеловал Вике руку. Она почувствовала влажный след слюны на запястье и машинально стерла его. Через некоторое время Вика принялась эту руку чесывать.

– Что у нас сегодня? – Андрей сложил газету. – А, среда... Отвезти тебя к Герману Марковичу? – посмотрел он на часы. – Нет, не успеваю. Славик тебя отвезет.

– Нет! Я сама, сама...

Андрей с укором посмотрел на жену. Потом произнес спо-

койно:

– Сама? Сама знаешь, какое движение в Москве... А Славик – профессионал. Ты слишком дорога мне, и я не собираюсь рисковать твоей жизнью...

– Я не хочу – со Славиком... Ну его... я сама! Не надо Славика... – морщась, начала возражать Вика.

– Выдумщица! И вовсе он не пахнет.

– Пахнет, ужасно пахнет!

– Ну разве что совсем чуть-чуть. Он молодой мужчина, двадцать пять лет, в свободное время занимается спортом, силушки – хоть отбавляй...

Вика едва слышно застонала.

Андрей отбросил газету, потрепал Вику по волосам, точно ребенка.

– ...А от Германа Марковича тебя заберет Эмма, – продолжил Андрей. – Ты ведь не имеешь ничего против Эммы?

Вика не ответила.

Андрей вздохнул, потоптался на месте, потом вышел.

Вика некоторое время сидела неподвижно, затем повернулась к окну.

Андрей шел через двор к своей машине энергичной, немного развалистой походкой, выбрасывая носки в стороны – он был чуть полноват.

– Солидный... очень солидный... – едва слышно пробормотала Вика. Она имела в виду не лишний вес мужа, а то, какое тот производит впечатление.

А потом Вика заметила, что продолжает расчесывать руку.

– Господи, что это? – застонала она. Чесалось именно там, куда ее поцеловал муж. Но его поцелуй тут ни при чем, поцелуй скорее был поводом, чем причиной, догадалась Вика.

– Небольшое белое или розовое пятно на коже, нечувствительное к прикосновениям, слабость, сонливость, потеря аппетита... – забормотала она, вспоминая лекции по инфекционным болезням. – Господи, это... Но откуда?..

И тут Вика вспомнила.

– Полгода назад, в посольстве! Я поздоровалась за руку с этим индусом! Полгода назад... А какими болезнями страдают жители Юго-Востока?.. Ясно какими! Хотя у проказы инкубационный период – от трех до десяти лет, но это наверняка она!..

Из глаз у Вики хлынули слезы. Она не сомневалась в том, что страшно больна. Она схватила пульт и сделала звук у телевизора погромче, чтобы Нюра не слышала ее всхлипываний.

– ...все помнят школьные уроки истории о монголо-татарском иге. Но мало кто знает, что теория о завоевании Руси Ордой возникла в восемнадцатом веке и с тех пор не претерпела почти никаких изменений, – забубнил телевизор. – Но некоторые ученые, в том числе и Лев Николаевич Гумилев, считали, что Русь и Орда были равноправными империями. Более того – Орда была всего лишь регулярным русским вой-

ском, наемниками, и та самая дань, о которой мы столько слышали в школьные годы, – это всего лишь плата за услуги! Конечно, такое утверждение может шокировать. Но сами подумайте – степь и лес существовали бок о бок издавна, и жестких противоречий между ними не могло быть. Кочевники-скотоводы в степи пасли табуны лошадей, земледельцы и ремесленники лесной части страны выращивали хлеб, ковали оружие. Существовал вполне равноправный обмен между степью и лесом! Русская конница взращивалась в степях кочевниками, кочевники пользовались оружием русичей. Это симбиоз народов! Кстати, в летописях есть свидетельства о браках между русскими и ордынцами. Например, сын святого князя Даниила Московского был женат на Кончаке, сестре хана Узбека, названной в крещении Агафьей...

«Бред какой-то!» – вяло подумала Вика.

– ...но возможно и третье. Симбиоз, то есть соседское существование степи и леса, то есть Орды и Руси, был когда-то нарушен. Неким внешним событием. И началось действительное противостояние. Только вот что было поводом, что столкнуло эти две империи, две культуры? Может быть, как всегда, – шерше ля фам?... Например, в некоторых источниках упоминается о некоей кочевнице по имени Алтынай и русском князе Светозаре...

Вика поморщилась и выключила телевизор. То, что вещали с экрана, было ниже всякой критики. Она тут же выкинула из головы то, о чем говорилось в этой передаче.

«Милый мой Андрей! Не дай бог он заразится... За что ему такое?... Хороший, милый!»

– Виктория Пална, Славик нарисовался... – закричала из коридора Нюра. – Спускайтесь, он вас в машине ожидает!

Через полчаса Вика, уже полностью одетая, поправляла перед зеркалом волосы. Ее уже не лихорадило, взгляд был безразличный, тусклый.

– Ну и ладно... Ну и пусть... Только противно все это как! И помереть-то все равно не дадут... Будут лечить до посинения. Уж лучше самой – раз, и все...

Она провела ребром ладони по шее и выскользнула в дверь.

– Счастливого пути! – крикнула ей вслед Нюра.

Вика ничего не ответила. Но вовсе не потому, что была из тех высокомерных дамочек, которые не считали прислугу за людей, – вовсе нет. Просто ей было так плохо, так тоскливо, что она не могла ни единого словечка из себя выдавить.

«Счастье... какая ирония! Неужели кто-то в этом мире чувствует себя счастливым?»

Вика вышла из подъезда во двор и увидела Славику – тот стоял, прислонившись к авто. Считалось, что вторая машина, которая была в семье Бортниковых, принадлежала Вике. А Славик стоял, вытирая платочком лоб. На щеках у него играл кирпичный румянец, глаза глядели настолько безмятежно, спокойно и даже невинно (невинность первобытных людей, не знавших греха!), что тоска Вики стала еще острее,

еще нестерпимей. Были, были на этом свете счастливые люди!

Славик просиял, увидев Вику, ибо отличался патологическим добродушием, и распахнул перед ней дверцу авто.

– Добрый день, Виктория Павловна!

Вика не ответила. Плотнo сжав губы и стараясь не дышать, она прошла мимо Славика и забралась в машину на заднее сиденье.

– Погода какая, а, Виктория Павловна?

Вика опять ничего не ответила. В салоне авто ощутимо пахло чем-то острым, мускусным. Запах молодого мужского тела, который не в силах заглушить ни один дезодорант, ни один одеколон. Феромоны, будь они неладны...

Славик тронул машину с места.

Вика немедленно достала из сумочки свои духи и принялась обильно поливать все вокруг.

Славик закашлялся. В зеркале Вика увидела, что его щеки из кирпично-красных стали постепенно превращаться в синюшно-багровые.

«Прости, Славик!» – мысленно произнесла Вика. Ей было жаль водителя, но изменить что-либо она не могла.

Когда наконец машина доехала до медицинского центра, Славик едва дышал. С явным облегчением выскочил из авто, помог выйти Вике из салона, а затем, опершись на ограду, принялся бурно и глубоко вдыхать свежий воздух. И интенсивно потеть, потеть...

...Вика шла по коридору за молоденькой медсестрой. Та с привычным кокетством виляла бедрами, едва заметно улыбалась каким-то своим воспоминаниям, явно приятным.

Они дошли до конца коридора, где была единственная дверь. На двери висела скромная табличка: «Герман Маркович Пелле, психотерапевт, кандидат медицинских наук, профессор».

– Прошу... – Медсестра распахнула перед Викой дверь и тут же исчезла.

– Вика, добрый день! – из-за стола поднялся навстречу Вике Герман Маркович – пожилой, сухощавый, в очках и с профессорской бородкой.

– Добрый... – выдавила из себя Вика.

Настенные часы показывали 11.30.

Вика прошла вдоль стены, увешанной всевозможными дипломами и грамотами, привычно упала на кожаную кушетку. Сложила руки на груди и уставилась в потолок – там, в углу, была едва заметная трещина, напоминающая ветку дерева.

– Ну-с, о чем мы в прошлый раз говорили? – бодро спросил Герман Маркович, снова опускаясь в кресло. Смахнул невидимые пылинки с зеркальной поверхности стола.

– О моем отце, – сказала Вика, не отрывая взгляда от трещины-ветки. Если к ней пририсовать листья и цветы... получилась бы ветка сакуры. Да, именно сакуры – уж очень стильно, по-японски, изгибаются трещины в потолке!

– Да, о вашем отце. Скажите, Вика, каким он был? Как бы вы его охарактеризовали?

– Он был потрясающий человек. Все так говорили. Все...

– Нет, меня интересует только ваше мнение, Вика.

– Это и мое мнение тоже! – с глубокой убежденностью ответила Вика. – Конечно, он по шестнадцать часов пропал на работе – заместитель министра как-никак, выходных у него практически не было, собственно, он и умер на своем рабочем месте... но папа всегда... всегда был готов дать мне совет... интересовался моей жизнью, и все такое...

– И вы всегда следовали его советам?

– Да, а что?.. – растерянно ответила Вика.

– Даже если ваши желания не совпадали?

– Н-не понимаю... Чьи желания? Мои и папины? Папа всегда желал мне только добра...

– Например?

– Н-ну... я не знаю... вот так вот сразу трудно вспомнить... Может быть, история с институтом? – наморщила лоб Вика.

– Расскажите, – мягко предложил Герман Маркович.

– Я училась в институте... в медицинском... хотела стать реаниматологом... Мечта идиотки! – вырвалось у Вики.

Герман Маркович воскликнул укоризненно:

– Ну почему же сразу – идиотки...

– Господи, да какой из меня врач?! – нервно захохотала Вика. – Я же ничего не соображаю... А там решения надо

принимать очень быстро... такая ответственность! Папа сказал, что это не для меня.

– Сразу сказал?

– Н-нет, когда я заканчивала последний курс, уже прошла специализацию. Затем должна была идти интернатура. Сдавала летнюю сессию – жара, огромный материал, который надо досконально знать, не спала три ночи... Короче, во время экзамена я грохнулась в обморок. Вот тогда папа и сказал окончательно и твердо, что медицина – не для меня. Я слишком слаба для этой профессии.

– И вы бросили институт?

– Да. Да...

Вика машинально посмотрела на свою руку, которую расчесывала утром. И с изумлением обнаружила: на ней не было никаких пятен, кожа – идеально гладкая. «Значит, я ошиблась... Что ж, следовало ожидать! Проказой заразиться трудно, особенно если находишься здесь, в Москве, а не где-нибудь в Индии или на Гаити...»

Вика беззвучно засмеялась от радости. Герман Маркович продолжал ее спрашивать, она машинально отвечала. Сама же думала: «Я здорова. Я абсолютно здорова. Никто не станет отправлять меня в лепрозорий. Я еще молодая. Все хорошо!»

– ...Вика, вы меня не слушаете! – с мягкой укоризной заметил Герман Маркович.

– Нет-нет, я вас слушаю! – энергично возразила Вика.

– Вы как будто вспомнили о чем-то хорошем, да?

– Да, – соврала Вика.

Но потом она вспомнила лицо отца. Его лицо, когда он говорил ей эти слова – «Медицина не для тебя, детка».

Сказал, как отрезал.

И был прав. С какого такого перепугу она сегодня решила, что у нее проказа?! Дура. А на прошлой неделе обнаружила у себя признаки меланомы, хотя это было всего лишь чернильное пятно! Дура, дура, дура! А на позапрошлой неделе...

– Папа был тысячу раз прав – доктор из меня получился бы никудышный... – в отчаянии вырвалось у Вики. – Даже диагноз поставить не смогла бы... Какой из меня врач? Какой?!

– Ну-ну, успокойтесь...

...Часы, висевшие на стене, показывали 13.45.

Впрочем, Вика уже потеряла счет времени.

– ...и все время снится этот сон! – монотонно рассказывала она. – Будто я стою посреди луга, а на меня мчится табун обезумевших лошадей. Бежать мне некуда, и я точно знаю, что через несколько секунд они меня растопчут... Это такой ужас! Даже не ужас, а... – Она задумалась, пытаясь подобрать слова. – ...А смертный страх! Герман Маркович, что это значит? Герман Маркович!

Психотерапевт спохватился:

– У вас, Вика, были в реальной жизни какие-то неприят-

ные случаи, связанные с лошадьми?

– Нет. Ни неприятных, ни приятных. Я городской человек, лошадей только на картинке видела... Несколько раз была с мужем на скачках, даже умудрилась выиграть рублей двести... Но лошади были очень далеко, я в бинокль на них смотрела! – Она вдруг нашла в себе силы улыбнуться. – А что вообще с точки зрения психоанализа значит увидеть во сне лошадь? Я хоть и училась в медицинском, но специальность выбрала другую, далекую от психологии... психиатрии...

Психотерапевт заерзал в своем кресле, явно отвлекшись от беседы:

– Очень интересный вопрос! Фрейд по этому поводу говорил, что сновидение – это осуществление запретных, подавленных, вытесненных в бессознательное желаний. В сновидении находят отражение наши собственные влечения и желания, оживают характерные черты примитивной душевной жизни, включая различные формы проявления сексуальности, и лошадь в данном случае Фрейд рассматривает как проявление кастрационной тревоги и эдипова комплекса...

Вика слушала молча, но слова Германа Марковича почему-то пугали, а не успокаивали ее. Она таращила глаза в потолок и пыталась понять, действительно ли у нее есть эти самые бессознательные желания. По Фрейду, выходило, что есть, но на деле... На деле у Вики вообще не было никаких особых желаний. Особенно сексуальных.

Герман Маркович спохватился, видимо, чувствуя, что Вика снова отвлеклась, и спросил ее прежним, «ненавязчивым» тоном:

– Скажите, Вика, а как ваш отец отнесся к вашему браку с Андреем Владимировичем?

– Отец обожал Андрея. Он сказал, что о лучшем муже для меня и мечтать не мог. Да, так и сказал: «Я, Вика, уже и не надеялся...»

– Не надеялся, что вы выйдете замуж?

– Нет, не надеялся, что я найду порядочного человека. У меня были поклонники до Андрея... Но отец их всех забраковал.

...Часы на стене показывали 14.30.

Психотерапевт закрыл за Викторией дверь и сам упал на кушетку, на которой только что лежала его пациентка. Без стука, виляя бедрами, вошла медсестра Маша, поставила на стол поднос с кофе.

– Устали, Герман Маркович? – кокетливо спросила она.

– Не то слово, Машенька!

Герман Маркович при виде медсестры взбодрился, заставил себя вскочить с кушетки. «Раз-два, я чувствую себя свежим и отдохнувшим, кровь весело бежит по моим жилам...» Он сел за стол, отхлебнул из чашки горячего кофе, умильно оглядел Машеньку, упакованную в тесноватый халатик-футляр. «Напоминает скрипку... Она – скрипка, а я – Паганини».

ни...»

– ...и главное, совершенно не мой случай, – продолжил Герман Маркович и осторожно подхватил медсестру за руку.

Медсестра игриво отняла у него руку:

– В каком смысле, Герман Маркович?

– Этой даме уже требуется не психотерапевт, а психиатр.

Маша засмеялась и выпорхнула из кабинета.

Герман Маркович открыл дверцу шкафа – там, с внутренней стороны, было зеркало. Он принялся пристально разглядывать свое лицо. Поправил бородку, стал репетировать различные выражения лица – доброжелательное, потом строгое, потом страстное, потом снова строгое...

«Да-с, разлюбезной Виктории Павловне требуется психиатр... Случай тяжелый!»

Минут через сорок после этих событий по коридорам медицинского центра бегала женщина и заглядывала во все двери подряд.

Это была Эмма, персональная помощница Андрея Владимировича Бортникова – мужа Вики.

Даже в свободное от работы время Эмма выглядела типичной корпоративной служащей. На ней был костюм темно-синего цвета и такого покроя (длина юбки, линия плеч, расположение выточек, карманов и пр.), что удовлетворил бы самый суровый офисный дресс-код.

На голове у Эммы из темных волос был собран аккурат-

ный пучок. Конечно, это был не тот пучок, который носили женщины лет двадцать-тридцать назад. Пучок Эммы был сотворен в духе современных тенденций и с помощью высококвалифицированного стилиста. Но все равно четкость линий этого пучка произвольно внушала деловой настрой и рабочее настроение – даже самым отъявленным лентяям.

Косметики на лице Эммы было то необходимое и достаточное количество, которое требуется для работающей женщины, – ни больше, ни меньше. На носу – очки в изящной оправе (изящной, но не вызывающей!). И очень дорогой, кстати.

Вообще внешний вид Эммы заставлял собраться и хорошенько обдумать бизнес-план на завтрашний день...

– Извините за беспокойство! – ворвалась Эмма в очередной кабинет. – Виктория Павловна не у вас?

– Пациентка Пелле? Дверь в конце кабинета... – ответили ей.

– Я была у Пелле! Он сказал, Виктория Павловна ушла.

– Ну, значит, действительно ушла.

– Да не могла она без меня никуда уйти! – сердито воскликнула Эмма и бросилась к очередному кабинету.

Но и в следующем кабинете ей не смогли объяснить, где искать Вику. Эмме стало очевидно – Вики в медицинском центре не было.

Вика сбежала. И сотовый ее не отвечал.

– Да что ж это за жизнь такая... – свирепо пробормотала

Эмма, выскакивая на улицу. – Ищи теперь ветра в поле!

Она на ходу принялась набирать номер Славика.

– Алло... Ты где? Ты на стоянке? Виктория Павловна с тобой?

– Так это... – растерянно забубнил в ответ Славик. – Меня Виктория Павловна отпустила. Попросила выйти из машины, сама села за руль и сказала, чтобы я ей не мешал...

– А ты инструкции мои помнишь?

– Ну да... Я знаю, что Викторию Павловну нельзя оставлять одну, и все такое... Но она мне приказала уйти! Я и ушел. Домой.

Эмма нажала на кнопку «отбой».

В обязанности Эммы как персональной помощницы господина Бортникова входили не только организация встреч шефа с клиентами, руководителями других фирм или чиновниками, не только варка кофе, заказ авиабилетов и разбор входящей корреспонденции, но и всевозможные личные поручения.

Главным личным поручением Эммы, основной причиной ее головной боли была супруга шефа – Виктория.

Эмма остановилась возле клумбы с цветами, которая была разбита у входа в медицинский центр, и задумалась.

Куда Вика могла отправиться?..

А Вика сидела на первом этаже очередного центра – только в этот раз не медицинского, а так называемого ТРЦ – тор-

гово-развлекательного, коих в последнее время развелось – несть числа.

Вокруг все блестело стеклом, металлом и мрамором, весело журчал фонтан в виде резвящихся русалок, и толпами ходили люди.

Вика сидела неподвижно, и только голова у нее двигалась то вверх, то вниз – она машинально следила за стеклянным лифтом, снующим между этажами торгового центра.

Когда лифт оказывался внизу, Вика видела в блестящей зеркальной панели свое отражение.

О чем Вика думала?

Да ни о чем.

Хотя нет, совсем ничего не думать человек не может... В голове у Вики копошились какие-то смутные фрагментарные образы, куски услышанных фраз, беспорядочные озарения...

«Комплекс кастрации? При чем тут он?.. И Фрейд... нет, Фрейд давно устарел... И надоел. А степные кочевники... Дикие люди. Лук, стрелы, лошадь... Лошади! Кочевники всю жизнь на лошадях ездили, набеги свои совершали! Брр... Я бы не смогла всю жизнь – на лошади. Страшно...»

И Вика принялась воображать кочевников на лошадях – как они с гиканьем мчатся по степи. Черные волосы полощутся на ветру, в прищуренных глазах – остервенелая ярость. Любого готовы затоптать, чего бы там нынешние историки ни утверждали!

«Что-то надо такое... о чем-то я забыла, это точно, — спохватилась она. — Вот память! Впору записную книжку заводить... Андрей. Андрей сказал, что пойдем к Чертковым. На вечер. Мы пойдем на вечер. Вот о чем я забыла!!!»

Вика вздрогнула и очнулась.

Наконец цель была найдена!

Почувствовав небывалый прилив энергии, Вика вскочила и огляделась. Магазины, магазины, магазинчики...

Она ринулась в ближайший. И сразу нырнула в ряды вещей — точно в бушующие волны.

— Здравствуйте! — немедленно подплыла к Вике продавщица. — Я могу вам чем-нибудь помочь?

Безусловно, продавщица могла помочь, но Вике смерть как не хотелось хоть с кем-то общаться.

— Нет, спасибо... — пробормотала Вика, отодвигаясь от продавщицы. — Я предпочитаю как-нибудь сама...

— Обратите внимание, вот замечательный костюм — натуральная шерсть, подкладка из вискозы! — навязчиво тащи-лась за Викой продавщица, на бейджике которой было написано — «Антонина».

— Нет, не то... — буркнула Вика.

— А вот платье из египетского хлопка, удивительно легкое, дышащее... Очень интересное!

— Ну ладно, давайте ваше платье... — сдалась Вика.

Помимо платья из хлопка, Вика попросила отнести в примерочную еще платье из шелка, платье из шифона, пла-

тье-сарафан, платье с отделкой из парчи... ну, ладно, и про-
чего, что продавалось в этом магазинчике.

В примерочной Вика принялась лихорадочно все это мерить. Большая часть вещей, конечно, не подошла.

– Вот это дайте мне на размер побольше, а это, наоборот, – поменьше... И принесите еще тот костюм, с бархатными вставками, темно-зеленый... – неуверенно попросила Вика.

Продавщица бросилась выполнять ее поручения. Затем появилась вторая продавщица, на бейджике которой было написано «Зинаида», и принялась помогать Антонине.

– Ну как? – манерными голосами пищали они из зала. – Вам подходит?

– Не очень... Или ничего? – бормотала в ответ Вика.

– Можно посмотреть?

«Вот привязались!» Вика вывалилась из примерочной кабинки красная, несчастная, и, глядя в большое зеркало, висевшее посреди зала, сразу поняла – не идет.

– Чудесно! И размер – идеально... – Зинаида умиленно сложила ладошки у груди.

– По-моему, очень жизнерадостно! Вас очень освежает этот цвет... – закивала Антонина.

«Врут», – не поверила девицам Вика. Работа у них была такая – побольше продать товара. По-хорошему, Вике надо было найти какой-нибудь один бутик, где продавцы изучили бы ее вкусы, и ходить только туда, но Вика не любила долгого

общения с кем-то. Ей было проще появляться каждый раз в новом месте, чтобы никогда не встречаться с одними и теми же людьми.

– Нет, не то... – Вика спряталась в примерочной с очередным ворохом одежды.

Наконец после ожесточенных размышлений – идет или не идет – Вика выбрала несколько нарядов.

– Кажется, вот это платье ничего так... Или то, синенькое?.. Ладно, возьму оба. И вот это еще! – решила Вика.

Она расплатилась с помощью карточки, и продавщицы упаковали ей платья.

– Спасибо за покупку!

...После ее ухода Антонина с Зинаидой вздохнули с облегчением.

– Ну, чума... – пробормотала Антонина. – Сама не знает, чего ей надо! Набрала целую тонну тряпок!

– С жиру бесятся... – с ненавистью прошептала Зинаида. – Буржуи проклятые! Одно ее платье стоит столько, сколько моя мать пенсии за год получает...

– ...взяла еще три кофточки, абсолютно одинаковые, только разного цвета. На фига, спрашивается?..

– Типа – подо все... Сволочь! – выругалась Зинаида.

– Прикинь, а если революция? – мечтательно потянулась Антонина. – Их же, богатеев этих, всех расстреляют!

– Ой, и правильно! Ни слезинки не пролью. Тонь, я отойду на минуту? – спохватилась Зинаида.

– Опять? Господи, Зин, ты из туалета просто не вылезай!

– Тонь, не ври... Второй раз за день! – раздраженно буркнула Зинаида и убежала.

В зал вошла очередная покупательница – дамочка лет пятидесяти, в соломенной шляпке, остановилась посреди зала и тяжело задумалась.

Антонина скользнула к «шляпке».

– Здравствуйте! – тающим голосом запела девушка. – Я могу вам чем-то помочь?..

...Тем временем Вика сновала по этажам торгового центра, нагруженная пакетами и свертками. Очень надолго застряла в обувном отделе. Там ей пришлось купить несколько пар туфель – потому что на чем-то одном она не могла остановиться. Вике отрядили юношу-посыльного – он нес за ней покупки к машине.

Но до машины Вика добралась не сразу – по дороге, в сувенирном отделе, она увидела чугунного медведя, очень выразительного, и подумала, что такая вещь очень неплохо смотрелась бы в кабинете мужа. Андрей солидный, и медведь солидный... Очень мило.

Продавцы поразились тонкому вкусу Вики и отправили за ней двух грузчиков – иначе медведя не донесли бы до машины.

Наконец Вика вышла из торгового центра.

И обнаружила, что в Москве уже давно наступили сумерки.

За ней тащились юноша с покупками и двое грузчиков с медведем.

– Туда... вон к той машине! – указала направление Вика. – Сейчас я багажник открою...

И тут Вика увидела Эмму. Эмма стояла у края тротуара, сложив руки на груди, и слегка постукивала каблучком по асфальту.

– Сюда... Аккуратней! – Вика сделала вид, что не замечает Эмму.

– Добрый вечер, – шагнула вперед Эмма. – Виктория Павловна, почему вы меня не дождались?

– Я забыла, – уклончиво ответила Вика, наблюдая за действиями грузчиков, заталкивающих медведя в багажник.

– А Славика зачем прогнали? – не отставала Эмма. – А телефон зачем выключили?

«Вот пристала!» – с тоской подумала Вика, расплачиваясь с грузчиками и юношей-посыльным.

– Как вы меня нашли, Эмма?

– Это был ближайший торговый центр... – пожала Эмма плечами.

Вике не очень понравилось это объяснение. «Считает меня примитивным созданием... Думает, будто у меня шопингомания! А я, между прочим, не ее деньги трачу!»

– Вы обедали? – сурово спросила Эмма.

– Нет, – буркнула Вика. И неожиданно ощутила нестерпимое чувство голода. Она же действительно ничего не ела с утра! – Нет, но...

– Вы голодны. Надо срочно перекусить. Виктория Павловна, за руль сяду я! Пожалуйста, пожалуйста, не спорьте...

Вика не любила Эмму. За эту навязчивость. За жесткость. За пучок на затылке. За очки... Но от Эммы было совершенно невозможно отвязаться: в отличие от Славика Эмма всегда умела настоять на своем.

Эмма села за руль:

– Я знаю одно неплохое место неподалеку...

Слава богу, что Эмма не стала обсуждать покупки Вики – это ей было запрещено. Запрещено Андреем.

Через полчаса они уже сидели в ресторане. Вика, почти не глядя в меню, быстро сделала заказ – так она была голодна.

Эмма молчала, бесстрастно рассматривая скатерть перед собой.

Наконец принесли ужин. Но стоило только Вике увидеть еду (как это уже бывало не раз), она моментально потеряла аппетит. Все было не то и не так...

– Очень аппетитно выглядит... – пробормотала Эмма подобревшим голосом и принялась за лазанью с ветчиной.

У Вики на тарелке был греческий салат.

– Андрей Владимирович дома? – Вика решила начать разговор, чтобы не есть.

– Нет.

– А где он?

– Тоже в ресторане. Встречается с бывшим однокурсником. Я им еще неделю назад забронировала столик.

– Наверное, с Семеновым... Вообще у Андрея много друзей. Его все любят.

– Да, Андрея Владимировича все любят. Чего вы не едите, Виктория Павловна?

Вика склонилась над тарелкой. «А это что? Нет, надо было заказать что-то другое...»

Вика принялась выковыривать из салата каперсы и аккуратно раскладывать их по краю тарелки.

Эмма невозмутимо уписывала свою лазанью.

Вика осмотрела вилку. Затем тщательно принялась протирать ее салфеткой – вилка показалась Вике не очень чистой.

– Попросить поменять? – невозмутимо предложила Эмма, не поднимая головы.

– А толку-то... – с досадой отозвалась Вика. – У них тут везде грязь. Рассадник гепатита.

– Почему именно гепатита? – с интересом спросила Эмма и придвинула к себе стакан со свежавыжатым морковным соком.

Вика не ответила. Вытащила изо рта листик петрушки, которым едва не подавилась.

– Как теперь узнаешь, хорошо они зелень промыли или нет?.. – уныло пробормотала Вика.

– Это приличный ресторан. Тут не может быть ничего грязного.

– Нельзя доверять кому попало!

– Я сто раз тут обедала. До сих пор жива.

Эмма допила свой сок, поставила пустой стакан и уставилась куда-то в угол.

Вика отодвинула подозрительный салат и принялась осторожно исследовать запеканку из брокколи в сливочном соусе. «Запеканку подвергли тепловой обработке, она не может быть опасной...» – пыталась успокоить себя Вика.

Но вкус у запеканки показался ей подозрительным. Чем дольше Вика ее ела, тем хуже себя чувствовала.

– Вкусно? – не поворачивая головы, спросила Эмма.

– Мне кажется, здесь есть арахис.

– Здесь нет арахиса. В меню об арахисе не было ничего написано.

– В наше время нормальной еды быть не может. Сплошная химия и канцерогены. Генномодифицированные продукты! – Вика уронила вилку. – Я на минутку...

Она рванула в туалет – на счастье, там никого не было. Встала перед зеркалом, ощущая бешеное сердцебиение. По спине, между лопаток, пробежали мурашки. Вике показалось, что ей начинает не хватать воздуха.

– Боже мой... В запеканке действительно был арахис... Да, да, точно! Они сами не знают, чего напихали в эту запеканку. А у меня аллергия на арахис... отек Квинке... уми-

раю...

Вика схватилась за горло и медленно сползла на пол.

Через пять минут в туалет зашла одна из посетительниц, увидела Вику и подняла страшный крик, переполошив весь народ в зале. Разумеется, публика жаждала зрелищ и кинулась на шум.

«Так я и знала... – с мрачным отчаянием подумала Эмма, бросаясь за толпой, хлынувшей из зала. – С ней вечно какие-то неприятности!»

– Пропустите, пожалуйста... – пыталась пробраться она вперед.

– Говорят, в туалете кто-то умер.

– Умер? Убили? Застрелили, да?! Вот ужас-то...

– А чего вы удивляетесь – криминальную хронику, что ли, не смотрели? Сейчас из дома выйти страшно!

– Да нет, женщине просто плохо стало.

– Отчего?

– Может, не тем накормили тут?..

– Да пропустите же! – зарычала Эмма, бешено работая локтями.

Дверь в туалет перегородил бледный метрдотель.

– Пардон, сюда пока нельзя.

– Мне можно! Это жена моего босса! – огрызнулась Эмма. «Не удивлюсь, что ресторан понесет убытки после визита ненаглядной Виктории Павловны... Она перепугала всех

постоянных клиентов. Эх, надо было ее в какое-нибудь другое место затащить, похуже, и накормить бургерами! Пусть фаст-фуд страдает!»

Через минуту Вику, находящуюся в обмороке, перенесли в кабинет директора ресторана, бережно уложили на диван. Еще через десять минут прибыла «Скорая».

Пока Вику осматривали, Эмма стояла в коридоре и нервно колотила каблуком в пол.

К ней вышел доктор.

– Вы ее родственница?

– Да, – коротко ответила Эмма, считая лишним пускаться в какие-либо объяснения. – Что с ней?

– Жива, здорова. Обычный обморок. Уже очнулась. Говорит, что отек Квинке. Но это полная ерунда! – язвительно воскликнул доктор. – Нет у нее никакого отека! И директор клянется-божится, что никаких орехов в его еде не было. И откуда только народ этих терминов нахватался?! Умные все нынче стали!

– Она когда-то училась в медицинском... – Эмма быстрым, отработанным движением положила в карман доктора деньги.

На доктора эта манипуляция произвела магическое впечатление – он моментально успокоился и подобрел.

– А, теперь понятно... – усмехнулся он. Потом добавил: – Сказано же: многие знания – многие печали.

– Недели две назад она тоже вызывала «Скорую». Ей пока-

залось, что у нее инфаркт... Определила по каким-то симптомам, – не выдержала, пожаловалась Эмма.

– Мнительная дамочка!

– Да, очень.

– А что муж? – с интересом спросил доктор. – У нее есть муж?

– Муж – святой человек, – фанатично произнесла Эмма. – Какое счастье, что он не видел этой сцены...

Андрей и его бывший однокурсник по финансовой академии (Владимир Семенов, один из лучших специалистов по рынку недвижимости) в этот момент тоже находились в ресторане, только классом повыше.

В глубине зала ненавязчиво играл небольшой оркестр.

– ...если торги будут признаны недействительными, то договоры, которые заключены по результатам торгов, тоже будут признаны недействительными! – втолковывал Семенов Андрею. – Понимаешь? Надо с договорами сначала разобратся!

– Ну а если...

– Да пойми ты – статью 222 Гражданского кодекса еще никто не отменял! О самовольной постройке... Тут только два варианта – либо снос самовольной постройки, либо изъятие ее в пользу собственника земельного участка.

– Это дело можно считать прецедентом?

– Ой, о чем ты говоришь! Уверяю, за пределами Моск-

вы вообще черт знает что творится... – поморщился Семенов, движением руки отогнал официанта и сам подлил себе в рюмку коньяку.

– Я не хотел жаловаться, но мой компаньон, Чертков, меня скоро в гроб вгонит! – нервно засмеялся Андрей.

– Да-а... И на фига ты этого Черткова терпишь?.. – Семенов осуждающе покосился на друга, потом принялся усердно резать стейк. – И на фига тебе вообще какие-то там компаньоны?!

– Вов, не надо... Сам знаю. Но что теперь делать?

Семенов крякнул, отодвинул тарелку и полез за портсигаром.

– Будешь?

Андрей отрицательно покачал головой.

Вокруг, за столиками, если прислушаться, тоже обсуждали деловые проблемы.

– У меня дружан есть... в налоговой. – Семенов выпустил колечко дыма. – Если с умом подойти, то от твоего Черткова останутся рожки да ножки. У него ведь еще своя фирма есть? Лично его?..

– Вова, не надо, – покачал головой Андрей.

– Надо! – огрызнулся его бывший однокурсник. – Сели тебе все на шею! Твоего Черткова хорошенько потрясут – там, где только он один хозяин, и оставят от него рожки да ножки! Он будет вынужден продать за бесценок тебе свою половину вашего совместного бизнеса. Гениально, да? – Он помолчал,

потом произнес уже другим тоном, более спокойным: – Ты слишком хороший человек, Андрюха... Слишком!

– Вова, не надо, – жалобно повторил Андрей.

– Надо! Я тебя, Андрюха, как принято выражаться, «с молодых ногтей» знаю. – Семенов наклонился и продолжил тихо: – Таких, как ты, больше не существует. Тебя хоть сейчас – в президенты! Ни одна сволочь компромата не накопает... Потому что его нет и не может быть, компромата этого!..

– Перестань... – засмеялся Андрей. – Я же не ангел!

– Ты человек. Человек с большой буквы.

Оркестр, до того исполнявший нечто тягучее, заунывное, заиграл новую мелодию. Андрей с Семеновым повернулись к сцене, стали слушать.

«Я порядочный человек... – размышлял Андрей. – Он правду говорит – на мне все ездят. Но поскольку я порядочный, хороший человек, я не могу ему предложить прямо – Вова, а правда, натрави ты на этого дурака Черткова налоговую! Вот если бы налоговая как-нибудь сама наехала на Черткова, без моих просьб... Интересно, если б я сейчас попросил Вовку подключиться, стал бы он меня называть Человеком с большой буквы? Человек с большой буквы пакостей своим ближним не делает... Хотя они, ближние, вполне их заслуживают!»

– Ничего так играют, да? – пробормотал Семенов, пуская дым. – Только не смейся... мне вот с детства казалось, что

все барабанщики – запойные. Эдакие рубахи-парни... А те, кто играет на скрипочке, – скандалисты.

– Почему так?.. – засмеялся Андрей.

– Не знаю... А вот арфистки – дуры. И непременно истерички...

– А кто же тогда заслуживает уважения? – с интересом спросил Андрей.

В это время на сцене оркестр замолк, саксофонист стал играть соло – ярко, пронзительно.

– Да вон тот, на саксе... – кивнул в сторону сцены Семенов. – Если человек играет на саксе, то он настоящий мужик. И выпить умеет, и с бабами у него все в порядке, и не дурак... Ведь нельзя же представить, чтобы саксофонист дураком был?!

Андрей задумался, потом кивнул согласно:

– Действительно...

На Семенова подействовало выпитое – язык стал потихоньку заплетаться:

– Взять, например, Блин Клин... тьфу! Клин Блинтона... Билла Клинтона! Он ведь не на скрипочке, не на дудочке, не на гобое каком-нибудь там наяривал в свободное-то время... А на саксе! И его все уважали. Даже Монику ему простили! Потому что сакс... ну, я не знаю... сакс – это... Я не ты, умных слов мало знаю...

– Имиджевый инструмент.

– Во! Точно!!! – обрадовался Семенов. – Человек на саксе

– хороший человек. Всегда!

Был поздний вечер, когда Вика наконец оказалась у себя дома.

Бледную, дрожащую, донельзя измученную, с синяком на скуле (ударилась о край раковины, когда потеряла сознание в туалете ресторана), Эмма довела ее до кровати. Помогла раздеться, уложила, укрыла одеялом – все сама, поскольку Нюра уже ушла – ее рабочий день давно закончился.

Вике было неприятно смотреть на холодное, ожесточенное лицо Эммы, которая возилась с ней, точно с инвалидом. Еще невыносимей было вспоминать сцену в ресторане. Сколько людей видело Викин позор!

«Хотя почему же позор, мне просто плохо стало... Любому может плохо стать, в любом месте. Никто не застрахован!»

Вика утешала себя, хотя точно знала, что никакого отека у нее не было. Равно как и прочих недугов. Она *хотела*, чтобы они у нее были. Она придумывала их себе. Вот только зачем?..

– А мои покупки? – вдруг забеспокоилась Вика, заерзала под одеялом, которым укутала ее Эмма.

– Покупки в машине, машина в гараже. С ними ничего не случится. Завтра Нюра перенесет их.

– А скульптура? Медведь для Андрюши! Нюра его не сможет поднять!

– Славик этим займется. Тоже завтра.

– Я не хочу Славика...

– Хорошо, Славик отменяется. Я вызову грузчиков.

По интонации, с которой Эмма произнесла последнюю фразу, Вика поняла – та уже на взводе.

– Эмма, пожалуйста, не говорите ничего Андрею Владимировичу.

– Хорошо. Не буду.

– Вы идите, Эмма... Спасибо вам за все. Идите, идите. Который час?

– Половина двенадцатого, – металлическим голосом изрекла Эмма и вышла из комнаты.

Некоторое время Вика лежала неподвижно, вглядываясь в темноту. События сегодняшнего дня все еще вертелись в голове, вызывая мучительную тоску и стыд.

Затем Вике стало казаться, что она накупила много лишних вещей, которые никогда ей не понадобятся. Дело было даже не в потраченных деньгах, а в том, что все эти шмотки свидетельствовали о дурном вкусе Вики, позорили ее – самым фактом покупки. «Надо будет завтра тайком выкинуть то синее платье – оно просто безобразное... Ужас, ужас! И о чем я только думала?! Конечно, платье можно не выкидывать, а отдать Нюре... Но у Нюры пятьдесят шестой размер, и вообще...»

Потом Вика стала думать о медведе, и чем дальше, тем сомнительней казалось Вике это приобретение. Может быть,

стоило посоветоваться с Эммой, прежде чем покупать медведя?..

«Но Эмма ненавидит меня. Это видно невооруженным взглядом. Так неприятно общаться с человеком, который испытывает к тебе ненависть... Сказать об этом Андрею, попросить его сменить помощницу?»

Ворочаясь с боку на бок, Вика принялась размышлять о том, почему Эмма ненавидит ее. А что, если Эмма – любовница Андрея?

Эта мысль настолько взволновала Вику, что она вскочила с кровати, включила свет и в ужасе помчалась к Андрею в кабинет.

Но Андрея еще не было.

Огромная, пустая квартира – Вика была в ней одна.

Вика обежала квартиру по периметру и вернулась в кабинет мужа. Села на черный кожаный диван, живописно раскинула вокруг себя складки белоснежного пеньюара. Белое на черном. Красиво, наверное... Жалко только, что тут нет зеркала и она не может видеть себя со стороны.

В этот момент в глубине квартиры щелкнул замок, потом негромко хлопнула дверь.

Через минуту в кабинет вошел Андрей.

– Не спишь? – удивился он. – А мы с Вовкой кутили...

Он бросил пиджак в кресло, потом резко развернулся.

– Господи, Вика, что это с тобой?..

– Что? – испугалась она.

– Ну вот это, на лице?

– А, это синяк.

– Тебя что, били? Что случилось? – Он сел рядом на диван, взял Вику за руку, со страхом и жалостью разглядывая ее лицо.

– Так, ерунда...

– Ничего себе ерунда! Скажут потом, что я жену поколачиваю! – натянуто рассмеялся он.

Вике уже расхотелось спрашивать его об Эмме. Это было бы оскорбительно для Андрея. Он такой чудесный человек!

Она быстро перебралась к нему на колени, обхватила его за шею. От Андрея ощутимо пахло коньяком, но это Вику не раздражало. Тем более что пьяным Андрей не был. Он никогда не напивался допьяна – сколько помнила Вика.

– Обними меня, пожалуйста...

Он послушно обхватил ее руками.

– Я люблю тебя. Я очень тебя люблю! – призналась Вика.

– Я тебя тоже очень люблю.

Некоторое время они сидели обнявшись, неподвижно.

– Я купила тебе подарок, – заставила она себя признаться.

– Какой? – вздрогнул он.

– Сюрприз. Завтра увидишь.

Вика поцеловала его, провела ладонью по затылку Андрея, ощутив ладонью мягкие, не слишком густые волосы.

– Чего это с тобой? – удивился Андрей. Потом спохватился, торопливо ответил на ее поцелуй.

Вика опустила спину на диван, увлекая мужа за собой.

– Ой, только не на этом диване! – напомнил Андрей.

– Ах да...

Диван был священным. И кресло было священным. И стол был священным. Все в кабинете было священным – поскольку Андрей в нем работал. «Понимаешь, меня ничто не должно отвлекать... – не раз объяснял он Вике. – Если я вспомню, что я... гм, резвился здесь, то не смогу сосредоточиться на работе. Вещи не должны нести на себе ненужной эмоциональной нагрузки!»

Они перебрались в общую спальню. Особого трепета Вика не ощущала. Она просто вспомнила о том, что она женщина, жена, должна исполнять супружеский долг (а иначе всеми этими глупостями и заниматься не стоит!).

Обнимая мужа и чувствуя на лице его горячее дыхание, Вика пыталась вспомнить, как все происходило раньше. Ведь не всегда же она чувствовала себя такой усталой, такой измученной?.. Как было, например, раньше? Как было с другими?..

«У меня были поклонники до Андрея», – сказала она сегодня профессору Пелле, Герману Марковичу.

Не то чтобы она соврала... Но в этом термине – «поклонники» – заключалась скользкая двусмысленность, ханжеская недоговоренность, пуританское лживое смирение... Почему она не сказала, например, так: «У меня были возлюбленные до Андрея»? В чем разница?..

Поклонник... Словечко из старинных книг! Поклонник ходит следом за объектом своего поклонения, дарит цветы и вздыхает. Мысли у него исключительно романтические, намерения – самые серьезные. Когда поклонник один, он сидит перед фотографией объекта, льет слезы и мечтает о чем-нибудь возвышенном, ну, например, как они ярким солнечным днем будут с объектом бродить по Воробьевым горам, взявшись за руки.

Возлюбленный же – это тот, у кого горячие ладони, жадные губы, кто, потеряв голову от страсти, легко может наломать дров. Кипение тестостерона и выброс адреналина...

У Вики в юности не было возлюбленных. Были некие молодые люди, которые лезли к ней со своими губами и ладонями, а отец их всех гонял. И разогнал, слава богу!

А вот Андрей – он и был настоящим поклонником, словно сошедшим со страниц старинных книг! Милым молодым человеком с серьезными намерениями, цветами, вздохами и склонностью к прогулкам по романтическим уголкам Москвы...

Их первый с Викой поцелуй произошел не ранее того момента, когда Андрей поговорил с отцом Вики и признался ему, что у него самые серьезные намерения.

Отец не сразу поверил Андрею – он по складу своего характера вообще мало кому верил. Долго проверял Андрея «на вшивость» (выражение отца).

В самом деле, не корысти ли ради молодой человек из

пригорода, нищий молодой специалист, вкалывающий бухгалтером на агонизирующем заводе по производству отечественных автомобилей, сын матери-одиночки, умершей от алкоголизма, погнался за дочкой замминистра? Девушкой из высшего общества. Тонкой штучкой. Изнеженной, избалованной гувернантками и домашними учителями принцессой...

Но Андрей был так деликатен по отношению к Вике (никаких вольностей до свадьбы), так предупредителен и в то же время смел в общении с Павлом Георгиевичем (отцом Вики), что подозревать его в корысти было трудно.

«Ты хороший человек. Порядочный, – в конце концов сдался Павел Георгиевич. – Что ж, если я смогу доверить кому-то свою дочь, то только тебе! А не какому-нибудь прощелыге, якобы нашего круга. Нет у меня никакого доверия к этой золотой молодежи...»

Отец не ошибся – из Андрея вышел отличный муж. Верный и надежный. И вообще, его все любили. И какая разница, что Вика не ощущала никакого трепета, выполняя свои супружеские обязанности! То, что она чувствовала себя усталой и измученной, было только ее проблемой. Ее, а не Андрея.

Именно поэтому она согласилась посещать психотерапевта Пелле, чтобы разобраться со своими собственными комплексами.

...Андрей поцеловал Вику мягкими губами в висок и пе-

ревернул на спину.

– Тебе хорошо было? – тихо спросил он.

– Да. Очень, – ответила Вика и погладила его руку. – Ну все, спи...

Раньше она тоже никогда не теряла голову.

Андрей сел в машину, откинулся на сиденье, глубоко вздохнул.

– Куда едем, Андрей Владимирович? – обернулся к нему Славик.

– Как всегда, в офис. Мог бы и не спрашивать! – усмехнулся Андрей. – Давай пошустрей, а то уже пробки начинаются...

– Есть пошустрей! – Славик счастливо улыбнулся и нажал на газ.

Они мчались по окраинным улочкам, где машин было еще мало – Славик неплохо знал Москву и старался лишний раз не выезжать на основные трассы.

Старые дома нависали над узкими тротуарами, прохожих в этих местах почти не было. Мост, колокольня у пустыря, который еще не успели построить, кафе с замшелыми окнами – наподобие тех заведений, которые раньше назывались «рюмочными»... Андрей машинально разглядывал проносящийся мимо фон, стараясь не думать о Черткове.

Особых злодейств компаньон Андрея не совершал, но был круглым дураком, очень мало разбирающимся в бизнесе. А

недавно из-за Черткова даже пришлось судиться с одной вышестоящей инстанцией, поскольку тот, не посоветовавшись с Андреем, предпринял несколько самостоятельных шагов. Чертков был костью в горле. Если бы Чертков в одночасье скончался, Андрей вздохнул бы с облегчением. Хотя нет, на смену бывшему компаньону пришла бы мадам Черткова...

– Стоп-стоп-стоп... Славик, а это что там?

– Где, Андрей Владимирович?

– Да вот, только что проехали...

Славик стремительно свернул в переулок, сделал круг.

– Здесь, что ли?

– Да. Подожди меня... – Андрей вылез из машины и остановился перед ступенями, ведущими в подвал. На фасаде здания мигала вывеска: «Музыкальные инструменты».

Андрей спустился по лестнице, толкнул тяжелую дверь – колокольчик над головой нежно и мелодично звякнул.

Поспешных и необдуманных покупок Андрей (в отличие от Вики) никогда не делал. Всегда давал Эмме поручения сначала разобраться: где надежней продавец, у кого лучше товар и даже где он дешевле, при прочих равных. Да и вообще Андрей никаких покупок никогда самостоятельно не делал, переадресовывая все свои нужды помощнице. Но тут на него словно нашло...

Он стоял и озирался. Вокруг теснились пианино, в стеклянных витринах поблескивали лаком скрипки, громоздились пузатые барабаны... И пахло как-то по-особенному,

волнующе.

– Как бы помочь? – К нему протискивался парень, явно из «продвинутой» молодежи – в каких-то немыслимых рваных штанах, сшитой из лоскутов кофте с бритой головой и весь утыканный пирсингом – на открытых участках кожи то здесь, то там поблескивали металлические заклепки. Словно дробью в парня стреляли!

– Меня интересуют саксофоны.

– Прошу... блин, не пройти! Саксофоны у нас в следующем зале.

Они остановились перед витриной с саксофонами.

– Скажите, а это вообще реально – научиться играть на таком инструменте? – сдержанно спросил Андрей.

– Как бы если есть возможности и желание, то и коза в состоянии баян освоить! – сострил «продвинутый».

– Ну, мне баян ни к чему! – сухо произнес Андрей. – А вот от саксофона не откажусь. Какую модель посоветуете?

«Продвинутый» моментально посерьезнел.

– Вот тут у нас несколько моделей... Объяснить, чем отличаются?

– Да уж, пожалуйста...

– Саксофон – это духовой инструмент. Есть сопрано-саксофоны, альт там, баритон или тенор-саксофоны. В общем, различаются размерами и, соответственно, высотой звучания. Вам побольше, поменьше? – простодушно спросил продавец.

Через некоторое время Андрей вышел из подвала, прижимая к груди большой футляр с саксофоном. Андрея не покидало чувство, что он совершает нечто странное, нелогичное...

Приехав в офис, сразу прошел в свой кабинет, достал саксофон из футляра, принялся с жадным любопытством разглядывать.

А потом, уже не в силах сдержаться, поднес инструмент к губам, дунул в мундштук, неловко нажав на какую-то кнопку. Раздался резкий, пронзительный звук.

– Ай! – завопила Эмма, в этот момент входившая в кабинет, и уронила папки, которые до того собиралась положить на стол босса. – О господи, Андрей! Простите... Андрей Владимирович! Что это такое?

– Это, Эмма, мое новое хобби. Хочу научиться играть на саксофоне. Как вы на это смотрите?

– Как... – растерялась Эмма. – Я... я с большим уважением отношусь к вашему хобби. По-моему, это будет чудесно, если ты... простите, если вы будете играть на этой штуке!

Она протянула руку и осторожно, кончиками пальцев, прикоснулась к блестящему боку саксофона. Тут же руку отдернула, словно поняла, что совершает нечто непозволительное, фамильярное, недопустимое.

– Ну, сначала надо еще научиться играть... – рассеянно заметил Андрей. – Вам задание, Эмма, – подыщите мне всю необходимую литературу.

– Самоучитель для игры на саксофоне? – Эмма достала записную книжку, одним движением черкнула в ней строчку. – А преподавателя найти?

– Я сам хочу разобраться. Преподавателя – потом. Если у меня ничего не получится... – Андрей покрутил в руках саксофон. – Надеюсь, Вика одобрит это мое увлечение...

Эмма едва заметно передернула плечами – словно ее укусил комар.

– Что такое? Вы сомневаетесь насчет Вики?

– Андрей Владимирович, я говорила вчера с Пелле. Вы же сами разрешили ему обсуждать со мной все вопросы, связанные с Викторией Павловной...

– Пелле, Пелле... Фамилия почти как у футболиста... Пелле, да не тот! И что наш Пелле?

– Да ничего хорошего! Просит вас лично зайти к нему.

– Да-да, обязательно! И тем не менее о чем шла речь? Есть какие-то улучшения?

Эмма достала очередной блокнот из кармана и принялась невозмутимо читать:

– «Эмоциональные и соматические нарушения, в числе дополнительных симптомов также присутствуют идеи самообвинения. Снижение энергичности, утрата интересов и удовольствия. Физическая активность снижена, возникают так называемые состояния ступора. Временами – приступы агрессивности, конфликтность, которая маскирует ненависть к самой себе. Ипохондрические бредовые идеи о зара-

жении неким неизлечимым заболеванием...»

– Стоп-стоп-стоп... а если проще?

Эмма отложила блокнот в сторону.

– А если проще, у Виктории Павловны тяжелая депрессия, осложненная всевозможными фобиями. Причем в той стадии, которая требует лечения... гм... в специальном медицинском учреждении.

– В дурку ее, значит, пора класть... – растерянно пробормотал Андрей. – Послушайте, Эмма... глупый, конечно, вопрос, и запоздалый... Но вот вы лично, например, как думаете – стоит доверять этому Пелле?

– Герман Маркович Пелле – специалист высокой квалификации, у него лечатся многие известные люди, и, мне кажется, ему вполне можно доверять. Если бы он жуликом каким был, то не стал бы отказываться от Виктории Павловны. Делал бы вид, что лечит ее, а сам бы денежки из нас тянул... – нервно пробормотала Эмма. – Простите – из вас, Андрей Владимирович...

– Логично. Так, что еще Пелле говорит?

Эмма перевела дыхание и постаралась продолжить с прежней невозмутимостью:

– Виктории Павловне необходимо лечение антидепрессантами, нейролептиками, новокаином... словом, у меня тут целый список лекарств. Конечно, при этом будут кое-какие побочные эффекты...

– Ее обколют, и она превратится в овощ... – выдавил из

себя Андрей.

– Если этого не сделать, то Виктория Павловна в любой момент может наложить на себя руки. Без госпитализации и серьезного лечения не обойтись.

– Она может наложить на себя руки?!

– Да. Пелле так и заявил – «очень сильны суицидальные настроения». И, знаете, это очень похоже на правду – я ведь довольно много времени провожу с вашей супругой, невольно приходится наблюдать...

– Суицидальные настроения! Ужасно... – Андрей закрыл глаза. Потом, не открывая глаз, раздраженно спросил: – А чем вызвана депрессия Виктории Павловны – доктор не сказал?

– Никаких видимых причин он не нашел. Возможно, какое-то органическое поражение мозга... генетика... возможно, была родовая травма, которая только сейчас дала о себе знать...

Андрей вертел в руках саксофон.

И потом, совершенно неожиданно для Эммы, произнес печально, но вполне спокойно:

– Моя жена – сумасшедшая. Что ж, придется нести этот крест. В понедельник положим Вику в больницу... Раньше никак не получится. Как говорится, доживем до понедельника...

Он снова попытался извлечь из саксофона какие-то звуки. Эмма посмотрела на Андрея долгим, неподвижным взгля-

дом. Она словно хотела сказать что-то, но не смогла.

– С вами все в порядке, Эмма?

– Если вам нужна моя помощь, Андрей Владимирович, то я всегда... в любое время...

– Спасибо. Вы настоящий друг, Эмма... – усмехнулся Андрей. – Вы свободны.

Эмма сидела в своем кабинете перед включенным монитором компьютера, но не могла пошевелить и пальцем. Все еще не могла прийти в себя после разговора с Андреем.

«Боже, как мужественно он воспринял это известие... Потом сказал: «Что ж, придется нести этот крест». Какой человек! Какой мужчина! Как самоотверженно возится с этой чокнутой, бросать ее не собирается, и вообще...»

Эмма знала своего босса, Андрея Владимировича Бортникова, уже много лет. Еще с тех времен, когда его звали Андрюшенькой, Андрюшей, Андрюшкой... С тех пор, как восемнадцатилетней девушкой поступила в Финансовую академию. Они были однокурсниками.

Вика об этом даже не подозревала. Не подозревала о том, что прошлое ее мужа и его секретарши прочно сплетено. Не то чтобы от Виктории Павловны скрывали это, нет...

Просто сама Виктория Павловна никогда не интересовалась этим. Ха, станет она интересоваться жизнью какой-то секретарши! Впрочем, как и жизнью мужа...

Но если б знала, то, наверное, удивилась бы – как Эмма,

одна из лучших выпускниц академии, стала обычной персональной помощницей. Ведь для такой работы высшее образование не нужно! То есть, конечно, нужно, но как же амбиции?.. Она, Эмма, могла сама стать такой, как Андрей. Начальницей. Хозяйкой своей фирмы. Ей подавали бы авто с персональным водителем, а она мчалась бы на какое-нибудь ответственное совещание... И у нее самой была бы свора персональных помощниц, которые с блокнотиками наготове ловили бы каждое ее слово!

Конечно, можно возразить – есть люди, которые великолепно учатся, старательны и прилежны, но потом, покинув стены альма-матер, не в состоянии сделать карьеру. Так сказать, исполнители, а вовсе не творцы... Не факт, что они потом станут руководителями.

Но Эмма про себя не могла так сказать. Она чувствовала свои возможности, свои силы. Их было много. Она стала бы такой, как Андрей. И даже пошла бы дальше его.

Легко управляла бы потоками денег и людей, идеи превращала бы в реальность. Это ей не раз говорил тот же самый Вовка Семенов, их с Андреем однокурсник... Но – нет.

Потому что тогда бы она не смогла видеть Андрея каждый день.

А так, в роли персональной помощницы, ей было позволено практически все. Она была в курсе желаний своего начальника, следила за сменой его настроений, помогала ему, напоминала о текущих делах, планировала распорядок дня,

знала все о его личной жизни.

Если подумать, то Эмма в нынешнем своем положении была для Андрея больше, чем жена.

Единственным минусом было то, что Андрей запретил Эмме обращаться к нему на «ты». А еще – напоминать о прошлом. И не провоцировать его на поползновения. Никакой близости! Только на этих условиях он был согласен видеть возле себя Эмму.

Вот так получилось, что Эмма стала его персональной помощницей. И получила возможность быть все время рядом с ним.

Она умерла бы, если бы не видела его каждый день. Его глаза, руки, волосы, усмешку... Не слышала бы его мягкого, чуть хрипловатого голоса. А какой он был интеллигентный, порядочный человек – просто поразительно!

Эмме доставляло неизъяснимое наслаждение выполнять его просьбы, заботиться о тех мелочах, которые значительно облегчали ему жизнь. Ведь это именно она покупала ему рубашки, договаривалась с парикмахером, как постричь Андрея, подбирала запонки и ботинки, ругалась с портным (у Андрея была нестандартная фигура, ничего готового он носить не мог).

Даже больше того – это она, Эмма, незаметно и ненавязчиво вела Андрея по лабиринтам бизнеса, не давая ему попасть на рога к Минотавру, выражаясь высоким слогом (то есть не разориться).

И она отдала бы все, чтобы он снова назвал ее любимой – как тогда, в далекой-далекой юности. Отдала бы все за один поцелуй...

Вика открыла шкаф, и на нее вывалился целый ворох одежды с еще не оторванными ярлычками.

– И где же это дурацкое платье... Куда его Нюра засунула?!

Она открыла другой шкаф, и на нее вывалилась очередная лавина одежды. С грохотом попадали на пол нераспечатанные коробки с обувью.

– Вика, я же сказал – вовсе необязательно тебе идти на этот вечер... – крикнул из соседней комнаты Андрей.

Вика ничего не ответила. Она рылась в ворохе одежды и злилась, злилась, злилась...

Она прекрасно помнила, как покупала каждую вещь, как нервничала, разговаривая с тупыми продавщицами, как уставала в примерочных, как изнывала в салоне авто, сидя рядом с потеющим Славиком, как иногда даже на своих двоих мчалась в следующий магазин – чтобы найти наконец то, без чего она жить не могла. Как Эмма вылавливала ее и тащила домой, как приходилось хитрить, чтобы в очередной раз сбежать от этой стервы с пучком, и прочие злоключения.

Вот, например, жемчужно-серый костюм для выхода... Вика очень долго его искала! Именно такой – чуть приталенного силуэта, со струящейся юбкой, узкими плечами и глу-

боким декольте. Нашла. И что? Он висит теперь в шкафу, ни разу не надетый.

А эта черная шелковая блузка от французского дома моды, а эти три кофточки от итальянского дизайнера – красная с белым, голубая и оранжевая. Гм, с оранжевой, пожалуй, перебор...

Тонны тряпок и туфелек, которые почему-то валяются без дела!

Почему так происходит?

– Нюра!!!

В гардеробную вбежала, запыхавшись, домработница.

– Виктория Пална, звали?

– Нюра, куда вы дели то платье?

– Какое?

– То, которое я купила последним! – сурово спросила Вика.

– Последним? Да вот же оно! – Нюра встала на цыпочки и, с трудом раздвинув вешалки с одеждой, вытащила на свет божий светло-зеленый сарафан с желтым палантином.

– Это не то! Мне нужно другое... Красное с коричневым!

Пыхтя, Нюра достала коричневую юбку и красный пиджак.

– Оно? – радостно спросила Нюра.

Вика едва не расплакалась. А потом вдруг увидела свое платье – оно висело в глубине гардеробной, за отдельным рядом черных брюк, коих было не менее сорока. Или даже

больше. (Но черные брюки – вещь необходимая, одной парой, разумеется, не обойдешься!)

– Все, Нюра, идите. Спасибо.

Нюра вздохнула с явным облегчением и шустро засемила к выходу.

– Нюра!

– А?..

– Нюра, вы забыли платье. Его надо погладить. Я же не могу пойти в мятом!

– А-а!..

Андрей, уже полностью готовый к выходу, в своем кабинете пытался играть на саксофоне. Перед ним на пюпитре лежал открытый на первых страницах самоучитель. По опыту он знал – жена собиралась не менее трех часов.

В углу стоял чугунный медведь, ее недавний подарок. У Андрея этот медведь вызывал оторопь каждый раз, стоило ему только взглянуть на это чугунное чудо, но ни слова упрека он жене не сказал. Наоборот, даже поблагодарил, натужно изобразив восхищение. Огорчать человека с суицидальными наклонностями – слишком жестоко. «Ничего, положу ее в больницу, выкину это чудовище... Мне ничего для жены не жалко, но сколько лишних трат! А если вспомнить, какие суммы она каждый день выбрасывает на одежду... И ведь не отнимать же у нее карточку!»

Вошла Вика.

– Ты готова? – спросил Андрей, мельком взглянув на жену.

– Да. Ну как? – Она покрутилась на месте.

– Превосходно.

– Да ты не рассмотрел толком...

Андрей произнес безапелляционно:

– Вика, я и так знаю, что ты у меня красавица... Да, кстати, раз уж ты решилась идти, то не вздумай болтать с мадам Чертковой. Та еще сплетница...

– Ты боишься, что я разболтаю ей какие-нибудь семейные тайны?

Андрей с преувеличенной веселостью воскликнул:

– Нет, ну что ты... Тем более что у нас нет никаких тайн! Дело в другом – у Черткова неприятности, я этим утром узнал, что налоговая на него наезжает, и все такое... А мадам Черткова непременно захочет на ком-нибудь отыграться!

– Налоговая? – испугалась Вика. – Но если она на него наезжает, то, значит, и на тебя...

– Брось, у Черткова еще кое-какие дела на стороне.

– Да? Значит, лично у тебя – все в порядке? – не могла успокоиться Вика.

– Супер. Если Чертков погорит, то не исключено – он продаст мне свою долю в нашем совместном бизнесе.

«Господи, Вовка, да я на тебя просто молиться должен! За то, что не стал меня слушать, выполнил свое обещание... И мне вроде как не в чем себя обвинить! Даже если дурак

Чертков о чем-то пронюхает, я ему с чистой совестью скажу – я, брат, тебя защитить пытался, зла не желал!»

Андрей положил саксофон в футляр.

– Ладно, пошли...

– Ты что, и эту трубу с собой берешь? – удивленно спросила Вика. – Собираешься музицировать на вечере?

– Нет, музицировать на публике мне еще рано... Просто... Классная игрушка, да? Неохота с ней расставаться... Может, остановимся на обратном пути в каком-нибудь уединенном местечке, и я выдам пару нот – только для тебя...

Вика засмеялась и поцеловала мужа в висок:

– Ты такой милый... И что бы я без тебя делала?..

«Интересно, согласится ли она ехать в больницу? Вряд ли. Надо придумать какой-нибудь хитрый план. Да, точно, надо с Эммой завтра посоветоваться!»

За рулем, нестерпимо благоухая одеколоном, сидел Славик. «Видно, Эмма провела с ним разъяснительную беседу, – решила Вика. – Ну, и на том спасибо!»

Андрей сел рядом, положив между собой и Викторией саксофон, лукаво подмигнул ей.

– Славик, погнали...

Вика улыбнулась мужу. Она вдруг представила себе следующую картинку – закат, река, на фоне розовеющего неба – Андрей, с саксофоном в руках, играет нечто пронзительное и нежное. И только для нее...

– Почему ты улыбаешься?

– Так... Слушай, а вдруг ты станешь знаменитым музыкантом? – пробормотала Вика.

– Перестань... Это всего лишь хобби. Знаменитых саксофонистов и без меня хватает.

– Ни одного не знаю.

– А Козлов, Бутман?.. Вообще, саксофон – это солирующий инструмент в джазе, блюзе...

Андрей принялся рассказывать о знаменитых саксофонистах, а также известных джазовых и блюзовых группах.

Вика внимательно его слушала – и так увлеклась, что забыла, куда и зачем едет. Опомнилась, когда Славик остановился перед подъездом элитной многоэтажки.

...Супруги Чертковы отличались старомодностью и консерватизмом. У них был пентхаус с видом на храм Христа Спасителя, оформленный изнутри а-ля королевский дворец: золото, антикварные люстры, обои из шелка, гипсовые купидоны и прочие изыски.

– Викуся, милая! Какое чудесное платье... Но почему такая грустная? Идем, я тебя познакомлю с потрясающими людьми! – наперерез Вике бросилась мадам Черткова – крупная немолодая дама с монументальной прической, украшенной бриллиантами. Под мышкой у мадам Чертковой была болонка, тоже с бриллиантовой диадемой. – Андрюша, ты не возражаешь, что я на время разлучу тебя с женой?

– Что ты, Люсенька, нисколько! – Андрей на лету поцеловал у мадам Чертковой руку.

– Одна из моих приятельниц только что вернулась из тибетского монастыря. Впечатлений – масса! – трещала мадам Черткова, увлекая за собой Вику. – Я бы тоже махнула на Тибет! Бросила бы все, дурака своего – в первую очередь, и туда – Шамбалу искать.

– А что это?

– Как, ты не знаешь?!

Приятельницы мадам Чертковой (каждый раз – новый состав, поскольку мадам обладала исключительно склочным характером) тоже восхитились Викой и ее нарядом. «Какие милые...» – растроганно подумала Вика.

Одна из дам – коротко стриженная, в парчовом оранжевом одеянии, с трубкой в углу рта – увлеченно рассказывала о горах Тибета и поисках Шамбалы.

Потом другая дама пустилась в воспоминания о том, как они с мужем посещали колдунов вуду на Таити. Далее дамы, не сговариваясь, стали обсуждать мужчин, а от них стремительным марш-броском перешли к возможностям пластической хирургии. Последняя тема оказалась настолько увлекательной, что про поиски Шамбалы и колдунов вуду напрочь забыли.

Равно как и про Вику – она стояла в стороне, улыбалась, слушала, но ничего своего сказать не могла.

Мужчины же сбились в свою стайку и, судя по отрывоч-

ным фразам, обсуждали нечто сугубо свое, мужское. Андрей оглянулся и издалека помахал Вике рукой.

«Как-то странно он на меня посмотрел... – машинально отметила про себя Вика. – Тревожится, что ли? Но со мной все в порядке!»

Вика с независимым видом отошла к барной стойке, цапнула первое, что попало под руку, – крошечную тарталетку из песочного теста с каким-то взбитым наполнителем, сунула ее в рот. «Что это? На пирожное совсем не похоже! Гадость какая...» Вика заставила себя проглотить тарталетку. И только потом поняла – взбитый наполнитель был муссом из крабов. А крабы питались падалью!

Желудок у Вики моментально сжался.

Она попятилась к выходу, с трудом вспомнила, где у Чертовых туалетная комната.

Заперлась, склонилась над унитазом из розового мрамора...

Потом долго мыла руки. Вымыв, понюхала – кажется, руки до сих пор продолжали пахнуть этим отвратительным крабовым муссом! Вика принялась тереть ладони пемзой.

В дверь постучали.

– Занято! – крикнула Вика.

В дверь снова постучали.

– Я же сказала – занято! – раздраженно заорала она. Выдавила из специального контейнера целую пригоршню жидкого мыла и снова принялась полоскать руки.

Когда наконец вышла, то нос к носу столкнулась с дамой в парчовом халате – той самой, которая на Тибете искала Шамбалу.

– Сколько можно! – прошипела дама. – Ванну там, что ли, принимали?..

Вика ничего ей не ответила.

Вошла в зал, где толпились гости. К этому моменту все уже успели расслабиться – говорили громко, хохотали. Хозяин, Чертков, – высокий тощий субъект с усами, как у Сальвадора Дали, – рассказывал анекдоты. Мадам Черткова, держа под мышкой свою болонку, звонко целовалась с какой-то припозднившейся подружкой.

– Милочка! Мы уж тебя ждали-ждали, ждали-ждали... Познакомься, это жена моего компаньона. Викусь, а это Милочка! Они с мужем в пробке...

Вика улыбнулась и молча прошла мимо. Мадам Черткова с Милочкой проводили ее удивленными взглядами.

...Она села напротив огромного аквариума с морскими рыбками.

Через некоторое время к ней подсел какой-то молодой мужчина – имени его Вика, как ни старалась, никак не могла вспомнить.

– Скучаем? Такая красивая женщина не должна скучать! – чуть ли не насильно всунул ей в руки бокал шампанского, чокнулся, залпом выпил свой бокал. – Ну а вы что же?..

Вика пожала плечами. Некоторое время мужчина на ав-

томате болтал, потом пристально посмотрел на Вику, закрыл рот, встал и молча ушел.

Вика сосредоточенно смотрела на рыбок. Потом вдруг потерла ладонью лоб, опомнившись. «Господи, что со мной? Я словно выпадаю из реальности... Может быть, мне стоит заняться каким-то делом? Вновь вернуться в медицину, например?»

В медицинском институте Вика считалась неплохой студенткой. Но не потому, что обладала каким-то особым даром, нет. Вика была обыкновенной прилежной девицей. Она не пропускала занятий, мальчиками не интересовалась, дни и ночи штудировала учебники, а своих учителей слушала как пророков. Ее в те времена даже кое-кто за глаза называл «синим чулком»!

Вика видела настоящих врачей – от бога.

Вот они умели сразу, легко распознать болезнь, найти причину боли у пациента, указать короткий, эффективный путь к выздоровлению. Или же понять – нет, все усилия будут напрасны. Безднадежный случай... Эти люди умели рисковать, и их талант не имел ничего общего с фундаментальной старательностью Вики...

Врача из нее точно не получилось бы, нечего и мечтать!

На диван рядом с Викой прыгнула болонка. Тоже принялась наблюдать за рыбками. Так они и сидели вдвоем, синхронно вертя головами.

– Викуся! Вот ты где!

Мадам Черткова тоже плюхнулась на диван. Раздался жалобный визг.

– Клёпа, какая же ты дура! – Мадам Черткова вытащила из-под себя болонку, потрясла за шкурку. – У канарейки и то мозгов больше будет. Э-э! – Она отбросила болонку и повернулась к Вике. – Викуся... Викуся, ну почему ты такая скучная! У меня вот... у меня вот полный крах в жизни... ик! Чертков романы на стороне крутит, даром что скоро без штанов останется – налоговая под него копать начала... Дети – сволочи, на мать им плевать... Тридцать кило вот никак не могу сбросить...

Мадам Черткова похлопала себя по бокам.

– Люся, ты пьяна! – выдавила из себя Вика.

– Бы-ы, бы-ы... Ни рыба ты, ни мясо, Викуся! Желе из водорослей!

Вика вздрогнула, рванулась прочь, но мадам Черткова ловко перехватила ее за руку.

– Пусти...

– Куда? Обиделась поди, да? – хихикнула мадам. – А ничего! – с неожиданной гордостью возвысила она голос. – Это ты на самом деле должна мне завидовать, а не я тебе! Знаешь, почему?

– Люся!

– Да, я толстая, старая, скоро стану нищей, и муж у меня... ик! кобелина тот еще! Но все равно я – счастливая.

Мадам Черткова держала Вику за руку, не отпускала. Ви-

ка беспомощно оглянулась – никто не обращал на них внимания. Гости пили, ели, шумно веселились... Андрей беседовал с кем-то, стоя спиной к Вике.

– ...я вот знаю, что мой дурак меня все равно любит... И дети у меня есть! – с пьяной откровенностью продолжала мадам Черткова. – А что без копейки остаться можем – плевать! Я и нищей буду счастливой! А тебя хоть в золоте вымажь – все равно киснуть будешь!

– Оставь меня, Люся. Ты сумасшедшая!

– Сумасшедшая – это ты! – злорадно захохотала Черткова. – Все об этом знают. Так и говорят: «Вот, пришла мадам Ку-ку!»

– Неправда! – иступленно прошептала Вика. – Я совершенно нормальная! И дети у меня будут! Муж меня тоже любит, между прочим!

– Ха-ха! Святая простота! – ликующе завопила Черткова, но голос ее потонул в шуме. – Да он на тебе только потому женился, что твой папаша был замминистра! Он ради выгоды на тебе женился, твой Андрюша! Из грязи в князи хотел выбиться, денежек побольше заработать! Вот почему он на тебе женился!

– Все вы врете! – снова попыталась вырваться Вика. – Андрей на мне по любви женился!

– Это ты кому-нибудь другому лапшу на уши вешай, деточка! Я, слава богу, в жизни разбираюсь...

От Чертковой разило прогорклым шампанским, сквозь

дорогую пудру были видны глубокие морщины. Она была настолько омерзительна, что Вика рванулась, повалила хозяйку на диван, вцепилась ей в волосы.

– Дура! Немедленно заткнись! – Вика орала так громко, что все головы повернулись к ним.

Но Вику это уже не волновало. Она хлестала мадам Черткову по щекам, затем вцепилась в волосы – бриллианты так и брызнули в разные стороны, в руках у Вики оказался парик. Мадам Черткова завизжала, задрогала ногами, свалилась на пол, принялась кусать Вику за ногу. Вика тоже упала на пол, но и лежа продолжала колотить Черткову.

Окружающие, вытаращив глаза, наблюдали за этой сценой.

Первым опомнился Чертков, бросился жене на подмогу. Затем – Андрей, а уж за Андреем – все остальные. С огромным трудом несколько сильных мужчин сумели разнять обезумевших от ярости женщин.

* * *

Через час Андрей втащил в квартиру рыдающую жену. Платье на Вике было изрядно порвано, растрепавшиеся волосы лезли в глаза. Вика хотела убежать от мужа к себе в комнату, но вместо этого почему-то оказалась у Андрея в кабинете.

– ...Я же тебя просил, просил! Я просил тебя с ней не

разговаривать! – Андрей сорвал с себя галстук, швырнул его в сторону. – О боги, за что вы меня наказываете, за что?!

– Она сама ко мне подошла... Что я – молчать должна?!

– Ох, я как чувствовал, что не надо тебя на этот вечер брать...

– Что значит – «брать»?! Я не вещь... я живой человек!

– Нет, но какой стыд... Ты уже на людей стала бросаться!

– Она первая начала!

Андрей схватил Вику за плечи, пристально посмотрел ей в глаза.

– Скажи мне, Вика, скажи мне... – пробормотал он в отчаянии. – Чего тебе не хватает? Чего?!

– О чем ты? – растерялась Вика.

– У тебя все есть... я ни в чем тебя не ограничиваю... я не пью, не курю... у меня нет любовниц... – Он вдруг вновь сорвался на крик: – Ну чего тебе еще надо, а?!

Вика быстро произнесла:

– Черткова сказала, что ты женился на мне по расчету. Из-за моего отца...

– Что? Что эта дура сказала?.. И ты ей поверила?.. Господи, Вика, да если б я женился на тебе по расчету, я бы давно уже тебя бросил! Твой папаша уже пять лет как в могиле! Я, Викуля, честный, порядочный человек! Я хороший человек!!!

Он задел локтем скульптуру медведя, стоящую на столе. Поморщился от боли.

– Нет, это невозможно... Полный дом всякой дряни... Зачем ты купила этот кошмар, эту безвкусицу – можешь объяснить?! Зачем тебе столько тряпок? Ты же в магазины ходишь, как на работу!

Вика затихла, ничего не отвечая.

– Ненормальная! – снова сорвался Андрей.

Это слово почему-то произвело на Вику магическое впечатление.

– Я... ненормальная? Ты... ты тоже считаешь меня сумасшедшей?.. – Она прижала ладони к горлу, не находя слов. Потом с трудом выдавила: – Ты... ты меня не любишь!

– А что, по-твоему, любовь? Сюси-пуси всякие при луне? Ахи-охи? Я, словно каторжник, столько лет терплю тебя...

– Так не терпи!!!

Вика вцепилась в медведя, попыталась швырнуть его. Но чугунная скульптура была слишком тяжела, Вика не смогла и с места ее сдвинуть. Тогда она схватила настольную лампу из фарфора и, не владея собой, швырнула ее в Андрея.

Лампа пролетела в одном сантиметре от его головы и с грохотом разбилась о стену, усеяв осколками пол.

– Прости... – в ужасе прошептала Вика. – Я не хотела... Андрей, честное слово, я не хотела...

Андрей посмотрел на осколки. Носком поддел один.

– Я уберу...

– Не надо! – Он перехватил ее, развернул в сторону двери. – Нюра завтра уберет. Иди спать...

В его голосе было столько усталости, столько брезгливой тоски, что Вика, не говоря больше ни слова, вышла прочь.

У себя в комнате она остановилась у окна, сложив руки на груди. «Что я наделала... Подралась с Чертковой, потом чуть мужа не убила... всякая ерунда мерещится... Но я же не сумасшедшая, нет!»

За окнами была ночь, горел золотой рекой проспект, изредка по дороге проносились машины. «Уехать бы... Но куда?»

Вика тихо заплакала. Она не поверила ни единому слову Чертковой. «Андрей меня любит! И вовсе не из-за денег, не из-за связей отца он на мне женился... Надо помириться!» – решила Вика.

Она причесала волосы, поправила бретельку на плече и пошла к мужу.

В кабинете Андрея горел свет. Андрей с кем-то разговаривал по телефону.

Вика не имела привычки подслушивать, но тут что-то заставило ее насторожиться: она услышала свое имя. Говорили о ней.

– ...где это? Территориально, в смысле... – спросил Андрей кого-то. Помолчал, слушая ответ. – Практически в центре, очень хорошо! Вот что, Эмма, я не собираюсь ждать понедельника, мы отвезем ее туда завтра...

Вика оцепенела. «Ее? Меня то есть? Куда это они собираются меня везти?!»

– ...это было просто ужасно! Ужасный, ужасный вечер... Я теперь окончательно понял, что без госпитализации не обойтись. А сейчас устроила мне такой скандал... Чуть не убила меня!

«Что значит – без госпитализации не обойтись?.. О чем это он?»

– ...ну не убила же! Эмма, перестаньте кричать, со мной все в порядке... А кто доктор? Самый лучший психиатр Москвы? Вы меня успокоили... Да, да, очень многие выздоравливают! Что делать, если откажется от госпитализации? Да, я тоже об этом думал. Да. Да. Ну, тогда... Вы правы. Эмма, в этом случае без санитаров не обойтись... Или все-таки как-нибудь с помощью хитрости?..

«Психиатр. Санитары. Сумасшедший дом. Они хотят поместить меня в сумасшедший дом! – наконец озарило Вика. – Но зачем?.. Я же... я же нормальная?..»

Андрей тем временем обсуждал с Эммой больничные условия. По всему выходило, что Вика поместят в отдельную палату, предоставят самое лучшее питание, будут отдельно доплачивать тем медсестрам, которые станут за ней приглядывать.

Вика задрожала и медленно опустилась на пол.

Странные сны. Воображаемые болезни. Всевозможные фобии. Приступы ярости и страха... Она могла сама догадаться, что сходит с ума!

«Но почему Андрей обсуждает мою болезнь с Эммой?»

Она же чужая! Она не имеет права знать обо мне все! Да, она его помощница... – Мысли лихорадочно наталкивались друг на друга. – Хотя не он же, в самом деле, должен искать самый лучший дурдом для меня?! Он занятой человек, работает. Конечно, он замечательный муж, он исключительно порядочный, хороший человек и все такое... Не собираюсь выкидывать меня на помойку... Но она чужая, эта Эмма! Вот если бы он заболел, я бы вела себя не так. А как? О, я бы говорила ему, что люблю его, я молилась бы о его выздоровлении, я бы... Я бы никому не стала поручать заботы о нем, я бы сделала все сама».

Вика сжала кулаки, представляя, как стала бы бороться за его жизнь. Как отчаянно бы переживала! Бросила бы все, сидела бы рядом с ним, отдавала бы ему свое дыхание...

«Я не права. У мужчин и женщин все по-разному, – тут же принялась она возражать самой себе. – Мы живем эмоциями, они – разумом. Но господа, господа, почему он обсуждает все это с Эммой! – Вика едва сдержала стон. – И так... нет, не спокойно, конечно, обсуждает – Андрей на взводе, это очевидно... Но как-то холодно, устало... Я замучила его до такой степени? А зачем он сказал: «Я столько лет, словно каторжник, терплю тебя»? И теперь вот про какие-то хитрости, про санитаров... Я не хочу санитаров! Я не хочу, чтобы меня хитростью заманивали в дурдом! Я не хочу в дурдом!!!»

– ...хорошо, завтра договорим. Я очень устал, Эмма. До

завтра.

Вика услышала, как Андрей положил телефонную трубку. Потом расслабленно прокашлялся, словно актер после спектакля. До Вики донеслись его приближающиеся шаги.

Тогда она на четвереньках отползла за кресло, вжалась в пол.

Андрей прошел мимо, не заметив ее.

И снова эта мысль – о том, что надо бежать, – возникла у Вики. И неважно – куда, зачем. Главное – бежать!

«Стоп, но разве он отпустит меня? Нет. Если я захочу сейчас уйти из дома, он не даст мне это сделать. Вызовет Эмму, санитаров, карету «Скорой помощи»... Все для моего блага!»

Она встала, на цыпочках побежала за Андреем.

В ванной горел свет, шумела вода.

«Умывается, потом сразу ляжет спать!» Вика хорошо знала привычки своего мужа. А завтра они с Эммой потащат ее в сумасшедший дом...

Вика беспомощно оглянулась.

У стены стоял стул – хороший, из испанского гарнитура. Массив дуба, что ли? Топором не разрубишь...

Вика действовала стремительно, почти не раздумывая. Схватила стул, подсунула спинкой под дверную ручку, подергала для надежности. Стул намертво заклинил дверь.

Шум воды моментально прекратился.

– Эй, кто там? – раздался напряженный голос Андрея. –

Вика, ты?

Он с обратной стороны дернул дверь, попытался открыть ее.

– Вика, что ты делаешь?

Вика, затаив дыхание, слушала. Сердце у нее колотилось, словно бешеное. «А и правда, что я делаю?!»

– Вика, немедленно открой. Вика! Вика, ты меня слышишь?

В его голосе не было ничего, кроме раздражения. Если бы он был хоть чуточку ласковее, чуточку нежнее – она бы выпустила его. Если бы он сказал ей сейчас: «Я люблю тебя. Все будет хорошо. Доверься мне!» – она не раздумывала бы и минуты. Она открыла бы дверь и позволила ему делать с собой все, что угодно. Хоть в дурдом, хоть куда пошла бы. Добровольно. А так...

– Вика, не сходи с ума! Ч-черт... Вика!..

Вика медленно отступала назад. В коридоре схватила с полки ключи от машины. И выскользнула в дверь.

Теперь у нее есть время. Андрей заперт, ему не сразу удастся выбраться из ванной...

На улице была глубокая ночь.

Вика, прижимая к плечу оторванную бретельку от платья, подбежала к «своей» машине, быстро открыла ее, села.

Сделала пару глубоких вдохов. А затем нажала на газ.

Других машин почти не было. Вика неслась быстро, ни о чем не думая. Прямо, прямо, все время прямо... Горели ог-

ни рекламы. Фасады домов в подсветке. Чужие темные окна.
Впереди рабочие чинили дорогу.

Вика свернула в ближайший переулок, потом еще раз свернула на какую-то улочку, запутавшуюся среди офисных зданий «под старину».

Постепенно дыхание ее выравнилось, сердце перестало бешено колотиться. Она ехала и ни о чем не думала. Куда, зачем? Какая, собственно, разница!

Мост через Москву-реку.

Рубиновые звезды Кремля.

Улица со смешным названием «Маросейка». Центр Москвы остался позади.

Рижская эстакада...

Тоннели, безобразные трубы, гаражи, унылые махины заводов. Гигантский супермаркет.

Это был окраинный, пролетарский район. Не снижая скорости, Вика проскочила и его.

Москва кончилась.

Пригород.

Бетонный забор.

Еще один подмосковный городишко.

Опять забор.

Деревянные домики за деревянными заборами. Деревня, что ли?

Вика ехала уже довольно долго. Она ни о чем не думала, не хотела думать. Пока она едет, ни о чем думать не надо.

Дорога испортилась. Фонари горели не везде.

Лес.

Лес.

Кажется, блеснуло серебром озеро – там, между черными деревьями...

Деревня.

Поле.

Она ехала уже часов пять, шесть. Краешек горизонта зарозовел. Сплошные кол-до-би-ны...

На указатели Вика даже не смотрела.

Зачем? Не имеет значения. Плохо только одно: волосы лезут в глаза. И руки устали. О-о, как устали руки! И глаза. Глаза тоже очень устали!

Впереди, в небольшой низинке, клубился туман. Вика въехала в него, не снижая скорости. Дороги почти не было видно, она ехала по наитию, боясь остановиться.

Солнце уже поднялось над горизонтом, подсветило клубы тумана золотисто-розовым огнем. Что там впереди – деревья, дом? Нет, вроде что-то движется?

Вика хотела сбавить скорость, но в этот момент в тумане очень четко вырисовался силуэт лошади.

– Ой, мама... – в ужасе прошептала Вика, очнувшись от своего многочасового транса. Лошадей она панически боялась, хотя здесь, в салоне автомобиля, с закрытыми окнами, ей ничего не угрожало. Лошадь при всем желании не могла до нее добраться, но Вика об этом не думала.

Какая огромная, длинная у лошади морда... Настоящее чудовище! Вне себя от ужаса, Вика дернулась, выпустила руль. Машину закрутило. Все это заняло какие-то доли секунды. И в одно из этих крошечных мгновений Вике показалось, что на лошади кто-то сидит. Всадник. Нет, всадница! Волосы длинные, до поясницы, и как будто заплетенные во множество кос...

Лошадь с длинноволосой всадницей исчезли так же стремительно, как и появились. Будто их и не было. Ничего не было. Мираж. Сон, приснившийся наяву, вечный Викин кошмар...

– А-а-а! – заорала Вика, кружась в тумане.

Перед ней вдруг появился столб с надписью «Овражки», полетел ей навстречу. Вика не слышала, а скорее почувствовала удар. Почувствовала, как вылетает вслед за лобовым стеклом из машины.

Потом она все-таки услышала рядом с собой грохот, скрежет, треск. Сквозь закрытые глаза багровым отсветом мелькнули языки пламени.

* * *

Домработница Нюра вошла в квартиру Бортниковых, своих хозяев, ровно в восемь ноль-ноль. У нее был свой ключ от двери.

Повесила на отдельную вешалку свой плащ и сразу же

обнаружила беспорядок – обувь разбросана, в гардеробной полный разгром. «А, это Виктория Пална в гости вчера собиралась! Ох, и шмотья у нее – на десять жизней хватит!» – улыбаясь, покачала головой Нюра.

Побросала валяющиеся на полу вещи в гардеробную, дверь туда прикрыла – потом все развесит-разложит, сейчас главное – завтрак приготовить.

Но на всякий случай решила пробежаться по комнатам – мало ли что, может, требуются какие-то экстренные меры.

Так оно и было – в кабинете хозяина на полу валялась разбитая лампа, осколки похрустывали под ногами.

Нюра схватила пылесос, мгновенно расправилась с осколками. Рысцой побежала на кухню. Ох, нехорошо будет, если Андрей Владимирович без завтрака останется. Супруга-то евовная плохо кушает, мало, а вот хозяин обязан питаться!

Омлет, тосты, банка с клубничным джемом (не покупной, сама для Андрей Владимировича варила!), несколько черносливин для правильного пищеварения, листики салата...

– А где же сам-то? – вдруг опомнилась Нюра.

Не было еще такого случая, чтобы хозяин к половине девятого не сидел за столом! «Может, уехали они куда? Или в гостях задержались? Нет, такого сроду не было, Эмма-Шмемма, кобра очковая, – всегда предупреждала...»

Нюра снова помчалась по комнатам. В спальне хозяина никого не было. И в спальне хозяйки тоже – тишь да гладь. Постели неразобранные.

«Тьфу ты, зря завтрак готовила!» – расстроилась Нюра. И тут взгляд ее упал на дверь, ведущую в места общего пользования.

Дверь была подперта стулом. Спрашивается, зачем? Нюра кое-как выпихнула стул из-под дверной ручки.

Потом заглянула в ванную комнату – и обомлела.

В ванне, то бишь в джакузи этой, спал Андрей Владимирович. Не в воде, нет, вода не была налита! Андрей Владимирович спал на полотенцах, набросанных в ванну, то бишь в джакузи...

– Ос-споди! – перекрестилась Нюра.

В этот момент хозяин открыл глазоньки свои и окинул Нюру тоскливым, мутным взором. «Не иначе перепил! – озарило Нюру. – А раньше-то если и употреблял, то по капельке... Не иначе сама его допекла!»

– Доброе утро, Нюра, – завозился хозяин в своих полотенцах.

– Андрей Владимирович, так неудобно ж, поди... И без подушки! – жалостливо заныла она.

– А разве у меня был выбор?

– Тоись? А Виктория Пална чего? – спросила домработница.

Хозяина аж передернуло.

– Нюра, она здесь?

– Кто?

– Хозяйка, вот кто!

– Виктория Пална? Не-ет. Не видела.

– О боже, боже... – забормотал хозяин, вываливаясь из ванной комнаты. – Где телефон? Надо срочно позвонить Эмме...

– Андрей Владимирович, завтрак готов. Кушать пора! – напомнила Нюра.

– Да какое там кушать! – плачущим голосом закричал хозяин. – Вика сбежала!

– От вас?! Нет, не может такого быть.

– Нюра, твоя хозяйка – сумасшедшая! Она на все способна!!!

* * *

Невыносимая боль. Везде, в каждой клеточке тела...

Вика застонала и попыталась повернуться на бок. У нее не получилась. «Перелом позвоночника... – мелькнула обреченно мысль. – Все, я теперь инвалид. Руки и ноги ничего не чувствуют! Голова...»

Образ всадницы на лошади, вдруг вынырнувшей из тумана, стоял перед глазами.

Потом рядом зашуршала трава, и Вика услышала надтреснутый старушечий голос:

– Любаша?.. Любашенька, ты, что ль? Не, не она...

Вика, все еще не в силах открыть глаза, пробормотала:

– «Скорую»... Вызовите «Скорую», пожалуйста! Я уми-

раю...

– Эва... ишь чего захотела! – возмутился голос. – У нас, милая, отродясь никаких «Скорых» не водилось... Сама пойдешь, али мужиков позвать?

Вика с трудом разлепила глаза, подняла голову – перед ней стояла старушка лет восьмидесяти, с палкой, неказисто одетая.

– Ка... каких мужиков?! Зачем?! – обалдело пробормотала Вика.

– Ясно зачем... До дому тебя тягать. – Старуха осторожно потыкала Вику палкой.

– Меня – чего?!

– Эх, совсем плоха, видно... – заявила старуха. Потом, подумав, изрекла: – Не, без мужиков никак!

И повернулась к Вике спиной, собираясь идти за этими самыми «мужиками».

Вика задергалась, пытаясь встать. Как ни странно, но руки-ноги постепенно начинали подчиняться ей. Значит, она не парализована!

– Стойте! Не надо никого звать! – просипела Вика вслед старухе. – Я... я сама.

– Оно и правильно... – обрадовалась старуха. – Мужики вчера самогонку пили, сейчас их не добудесси, поди. А самогонку-то Макаровна гнала! Ее самогонку пить – последнее дело...

Вика кое-как встала, огляделась – в нескольких метрах от

нее дымился полуобгорелый остов машины.

Прикоснулась ко лбу – на нем пульсировала гигантская шишка.

– Скажите, а как... все-таки... вызвать врача? У меня, кажется, сломаны ребра, рука... сотрясение мозга... отбиты все внутренние органы... перитонит... до завтра точно не доживу...

– Ну, это уж как бог решит... Не нам знать! – философски изрекла старуха.

Вика шла за своей новой знакомой и сама не понимала, как еще ноги ее держат. У нее было ощущение, что еще пять, десять минут – и она точно умрет.

Платье на ней обгорело, все видимые участки тела были покрыты ссадинами, а что внутри творилось, насколько там все было разбито-раздавлено – лучше и не думать...

Деревня производила удручающее впечатление – унылые покосившиеся домишки, пыльные деревца вдоль дороги.

На одном из домишек висела бледная, почти выцветшая надпись: «Больница».

– Так вон же... вон же больница! – держась за ноющий бок, простонала Вика.

– Ну да, была раньше больница, – согласно кивнула ее спутница. – Только давно очень. Когда наш колхоз передовым был. Колхоз-миллионер! А теперь в этой больнице только ветер гуляет. Эх, были раньше времена... – И старуха пустилась в пространные воспоминания. Но Вика ее не слуша-

ла.

За одним из заборов стояла пара – тощий мужчина и унылая немолодая женщина с огромным животом. Выставив вперед ладонь, Вика попыталась загородиться от их любопытных взглядов. И вдруг подумала: «Девятый месяц, тазовое предлежание». Тетка была на девятом месяце беременности, и плод внутри ее находился в неправильном положении – вот что возникло в гудящей Викиной головушке. «Дура! – тут же осадила она себя. – Я ж эту тетку не пальпировала, УЗИ не назначала, с чего придумала про тазовое предлежание?! У меня сотрясение мозга, это точно...»

– Здравсте! – крикнула старуха через забор, потом повернулась к Вике: – Митяй и жена его, Нинка. Митяй у нас справный мужик, не пьет. Вон, машина у него есть...

Позади Митяя стоял «Москвич-412», с замазанными пятнами ржавчины. И Митяй, и жена его Нинка таращились на Вику с простодушным, тупым удивлением.

Вика отвернулась.

У старухи был дом такой же старый, как и она сама. Перед домом росли яблони, чуть в стороне – ровные ряды грядок. Вика с отвращением посмотрела на торчащую из земли зелень...

Старуха помогла Вике взойти на покосившееся крыльцо, пустила внутрь. В доме царила полутьма и пахло как-то неприятно – чем-то кисловатым, затхлым, густым.

– Ложись-ка вот сюда... Глядишь, и оклемаешься. – Старуха подвела ее к низкому топчану, покрытому пестрой заштопанной тряпкой.

Вика покорно легла на топчан, сложила руки на груди. Перед глазами все кружилось.

– Я не боюсь... чего бояться? Я давно этого ждала... – едва слышно прошептала Вика. Она ждала свою смерть.

– Чего? – крикнула старуха, возясь у печи. – Чего сказала, что ли?

Вика вздохнула и произнесла громко, торжественно:

– Скажите, бабушка, а вы верите в загробную жизнь?

– Неча всяку ерунду думать... – фыркнула старуха. – Садись вот, покушай... – Она поставила на стол облезлую кастрюлю. – Как звать-то?

– Меня? Виктория. Вика...

– А меня бабкой Зиной кличут. И ты так обращайся. У нас просто, без церемониев... Иди сюда.

Вика застонала. А потом поднялась и села – из какого-то упрямства. Увидела свои вечерние туфельки – рваные, со сломанными каблуками.

Баба Зина принялась охотно вещать:

– ...Так вот – у нас, милая, докторов уже лет двадцать нет. Без них обходимся... Недели через три, а может, боле – фершал приедет, который район объезжает... Но только в том случае, если «козлик» его не поломался. Вот о прошлом годе поломался – так целое лето мы этого фершала не видели!

– Какой еще козлик?.. – недовольно морщась, пробормотала Вика. Представила бородатого мужика в белом халате, верхом на козле. – Зачем? Почему ваш фельдшер не хочет пересесть хотя бы на лошадь?.. – И тут она вспомнила, что произошло на дороге. – Лошадь... Баба Зина! Я из-за лошади в дерево врезалась! – закричала Вика.

Старуха покачала головой:

– От беда... хотя чего там – жива, и радуйся теперьча! А лошадей у нас много – как-никак конезавод рядом...

– Конезавод?! – ужаснулась Вика. – Не-нет... Только не это!

– А что такое? – простодушно удивилась баба Зина. – У нас и коровы есть, и прочая живность! – Она наклонилась к Вике, всмотрелась в ее лицо маленькими карими глазами. – А я тебя, милая, сперва за внучку свою приняла...

– Какую внучку?

– Любашей ее зовут. Невестка писала, что машину Любаша себе купила недавно... Я как аварию углядела, сразу прибежала – не дай бог, думаю, Любаша моя в беду попала... – Старуха высморкалась в платок. – Хотя чего там, вряд ли я ее дождуся... Чего вам тут, молодым, делать?..

Вика с трудом доползла до стола. Баба Зина поставила перед ней миску картошки, кружку с молоком, отрезала большой кусок хлеба.

– Да ты покушай, милая... Ежели не приглядываться – ну прям вылитая Любаша!..

Баба Зина ласково провела по Викиной голове шершавой ладонью, цепляя волосы.

Вика заглянула в кастрюлю. От картофеля «в мундире» шел пар, на стенках кастрюли чернела накипь с вкраплениями песка. А хлеб лежал прямо на столе, по которому ползала муха. Молоко Вика не пила принципиально.

– А... а можно просто водички?

Старуха кивнула, зачерпнула кружкой воду из ведра возле двери.

Вика взяла кружку, приняухалась. Потом увидела какие-то мелкие включения, плавающие на поверхности воды.

– Кипяченая?.. – слабым голосом спросила Вика.

Баба Зина крикнула, стараясь сдержать свое возмущение. Ничего не сказала.

Вика, не в силах преодолеть своих привычек, отодвинула от себя кружку.

В этот момент на стол с трудом прыгнула старая кошка – с бельмом на глазу и плешивым боком. Вика отшатнулась, едва сдерживая ужас и отвращение.

– Лишай, лептоспироз, токсоплазмоз, боррелиоз, лимфогранулематоз, парша, бешенство, глисты... – забормотала она, глядя в мертвый кошачий глаз.

– Молитву, что ль, читаешь? Читай, читай... А это кошка моя, Мурка. Ей пятнадцать годов уже. Ежели по человеческим меркам – так старше меня, верно, будет... Я так думаю – помрет скоро, уж больно плоха стала... Жалко! Хоть души у ей

нет, а все равно жалко...

В распахнутое окно заглянула разбойничья физиономия – небритая, с подбитым глазом. Вика от неожиданности вскрикнула. Но мужик с разбойничьей физиономией не обратил на Вику никакого внимания.

– Ой, кто это?! – обернулась Вика к бабе Зине.

– Привет, баб Зин... – сказал мужик сиплым голосом. – Говорят, авария какая-то у леса случилась?

– Ага... – важно ответила старуха. – Вон, пострадавшая сидит, – указала она на свою гостью. – Говорит, Вика... А кто ее знает – может, Вика, может, еще кто... Я в документы не смотрела!

Мужик, насупившись, принялся разглядывать Вику – словно только сейчас ее заметил. Затем изрек:

– Да-а, сильно пострадавшая... Слышь, а стольник взаимы дашь, пострадавшая?

– У меня карточка.

– Чего? Какая еще карточка? – удивился мужик.

Вика зашарила в поисках карманов. Но карманов в этом платье не было. Сумочку Вика забыла захватить с собой. Возможно, что-то было в машине, но машина сгорела...

Только сейчас Вика осознала, что у нее с собой нет ни денег, ни документов, ни мобильного. Ничего.

– Простите, ничем не могу вам помочь, – сказала Вика мужику. – У меня карточки нет. И наличных тоже нет. Ни копейки. И документов тоже! Все сгорело... А мобильный

телефон я, кажется, забыла дома...

– Ну, мобила тут ни к чему... – ухмыльнулся мужик, обнаружив наличие золотого зуба. Единственного. – Бесполезная вещь! Связи-то все равно нет.

Мужик исчез так же внезапно, как и появился. Вероятно, потерял к Вике всякий интерес.

– Я спать хочу... – прошептала Вика, вставая из-за стола.

Упала обратно на свой топчан и закрыла глаза. «Наверное, я завтра умру».

Но на следующий день она проснулась живой и довольно бодрой. Ничего не болело – лишь саднили многочисленные царапины. Даже гигантская шишка на лбу рассосалась, превратилась в небольшой бугорок...

То, что она еще жива и даже как будто невредима, даже слегка расстроило Вику. Потому что как жить дальше – она не знала.

– Доброе утро! – поздоровалась старуха. – Умыться, поди, хочешь? Это там, на улице...

Вика вышла на крыльцо, сощурила глаза – сияло яркое июньское солнце. Неподалеку стоял покосившийся рукомойник.

Некоторое время Вика сомневалась, но потом все-таки шагнула к нему. «Риск, конечно, умываться здесь, но ходить грязной тоже совсем не хочется...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.